

Л. Чарская

Счастличик

Мировая книжка

Лидия Чарская
Счастливчик (сборник)

«ЭНАС»

1912, 1911

УДК 82-3
ББК 84-44

Чарская Л. А.

Счастливчик (сборник) / Л. А. Чарская — «ЭНАС», 1912,
1911 — (Мировая книжка)

ISBN 978-5-91921-502-8

Киру Раева все обожают дома, восхищаются его умом и красотой, называют Счастливчиком. Но когда Кира пойдет учиться в гимназию, ему придется завоевывать уважение однокашников. У маленького цыгана Орли по прозвищу Щелчок – все наоборот. В родном таборе он никому не нужен, а когда попадает в удивительную семью Раевых, то не знает, как себя вести. Он, как дикий зверек, совсем не привык к домашнему теплу и ласке. Любовь растопит его сердце, и непокорный, драчливый Щелчок тоже станет счастливым. В книгу включены две повести Лидии Чарской, объединенные общими персонажами: «Счастливчик» и «Щелчок». Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-502-8

© Чарская Л. А., 1912, 1911

© ЭНАС, 1912, 1911

Содержание

Предисловие от издательства	6
Счастливчик	7
Глава I	8
Глава II	10
Глава III	11
Глава IV	15
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	23
Глава VIII	25
Глава IX	30
Глава X	32
Глава XI	33
Глава XII	35
Глава XIII	36
Глава XIV	41
Глава XV	45
Глава XVI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лидия Чарская

Счастливчик

повести

Серия «Мировая книжка»

© Е. Володькина. Обложка, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

* * *

Предисловие от издательства

У Лидии Алексеевны Чарской (1875–1938) удивительная писательская судьба. Пушкинская строка: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...» – в полной мере относится к ее творчеству, претерпевшему самые контрастные оценки – от восторженных, хвалебных до разгромных, уничтожающих.

Она не собиралась становиться писательницей. В юности мечтала играть на сцене романтических героинь. Ради этого поступила в театр и, между прочим, служила там более 20 лет. Но роли ей доставались только маленькие, эпизодические, поскольку актерским талантом она не блистала.

Первую книгу «Записки институтки» Л. Чарская отнесла в журнал «Задушевное слово» в 1902 году, не особенно рассчитывая на публикацию. Она решилась на это, потому что ее семья остро нуждалась в средствах.

В один прекрасный день домой к ней приехал сам Маврикий Осипович Вольф, известный издатель журнала. Он был в восторге от работы молодой писательницы и обещал опубликовать все, что она ни напишет в будущем.

После выхода первой повести в свет Л. А. Чарская проснулась знаменитой. Мальчики и девочки плакали над ее книгами, ставили ее имя в один ряд с А. С. Пушкиным. Ее охотно печатали вплоть до 1917 года. В том году произошли две революции, закрылся журнал «Задушевное слово» и кануло в Лету многое из того, что прежде казалось незыблемым.

Все, о чем писала Л. Чарская, оказалось идеологически враждебным для строителей нового общества, и ее перестали печатать. В течение 70 лет творчество Л. Чарской находилось под негласным запретом, но это не значит, что читатели ее позабыли. Потрепанные дореволюционные книжки бережно хранили в семьях, переплетали, передавали из поколения в поколение.

В начале 1990-х годов повести Л. Чарской вновь появились на прилавках книжных магазинов и вновь стали бить все рекорды продаж. В чем секрет популярности ее наивных, восторженных книг? Почему истории этой писательницы так трогают душу вот уже более ста лет? Попробуйте сами ответить на этот вопрос.

Перед вами две повести – «Счастливчик» и «Щелчок». Они объединены общими персонажами, рассказывают о большой и дружной семье Раевых. Обратите внимание, это говорящая фамилия, от слова «рай». Все самое ценное, что только может подарить семья человеку, есть у Раевых. Поэтому какие бы потрясения ни происходили – будьте уверены, все закончится хорошо.

Счастливчик

Глава I

Утро. Синие шторы спущены в детской, но шаловливый солнечный луч нашел скважинку между занавеской и оконной рамой и проник в комнату, освещая уютную, красивую белую кроватку, голубое стеганое атласное одеяло и белокурую, с длинными растрепанными кудрями, головку спящего мальчика.

Между стеклом и шторой на окне шевелится кто-то. Слышится усиленная возня, постукивание и шелест.

Наконец этот «кто-то», таинственный и незримый, кричит голосом, не допускающим возражений:

– Бонжур! Пора вставать, Счастливчик! Пора вставать!

Белокурая головка в голубовато-белой кроватке приподнимается. Большие черные глаза то недоуменно таращатся, то жмурятся от солнечного луча.

– Бонжур! Пора вставать, Счастливчик! – еще раз кричит тот, невидимый, у окна.

Мальчик сладко зевает, потягивается и садится на постели.

Мальчик этот очень хорошенький и изящный. Он весь тоненький и хрупкий, с бледным, точно фарфоровым личиком, черноглазый, с льняными кудрями, с правильными чертами и алым, как вишня, ротиком. Ему девять лет, но кажется он значительно меньше. Счастливчик – крошечного роста, и все принимают его за семилетнего. Совсем, однако, напрасно: он умен как взрослый. Это говорят все: и бабушка, и няня, и Ляля, и monsieur¹ Диро, и Мик-Мик.

Только что Счастливчик спустил с постели голенькие ножонки, как за дверями слышится голос:

– Можно войти?

Счастливчик подбирает тотчас свои ноги под себя и садится, как турецкий паша, посреди своей нарядной кроватки.

За шторой на окне слышится возня. Кто-то тревожно мечется там и свистит: «Фю-фю-фю».

– Войдите! – кричит Счастливчик. – Мик-Мик, это вы?

Дверь широко распахивается. На пороге появляется высокий студент в тужурке², со смеющимися серыми, весело прищуренными глазами и маленькой черной бородкой.

Счастливчик не ошибся. Это Мик-Мик, собственно говоря, Михаил Михайлович Мирский, репетитор Счастливчика и дальний родственник, весь последний год готовивший мальчика в гимназию в первый класс. Счастливчик еще совсем маленьким мальчиком, когда он не умел хорошо говорить, прозвал Михаила Михайловича «Мик-Мик» и с тех пор его так и называет постоянно.

– Как, еще в постели! Но сегодня экзамен! – с деланным ужасом восклицает Мик-Мик и состраивает такую страшную физиономию, какая, по всей вероятности, была у Серого Волка, когда он намеревался проглотить Красную Шапочку в сказке. – Кира, безбожник вы этакий, ведь на экзамен опоздаете! Вот постойте, я вас!

Мик-Мик бросается к голубовато-белой постельке, хватая Счастливчика на руки и вертится с ним по комнате, высоко держа мальчика над головой.

– Сегодня экзамен! Экзамен, экзамен! – припевает он на мотив песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик».

Счастливчик хохочет. Ему весело, забавно, но немножко холодно.

– Милый Мик-Мик, пустите меня!

¹ Месье, господин (фр.).

² Тужурка – повседневная домашняя или форменная короткая куртка.

– Я спущу вас, Счастливчик, лишь только вы скажете мне, что такое за зверь имя существительное?

– Это название предмета, – не сморгнув, отвечает мальчик, хохоча до слез.

– А глагол? Что за козявка божия глагол, Счастливчик?

– Глагол означает действие предмета! – снова получается между двумя взрывами смеха веселый ответ Счастливчика.

– Тра-ля-ля! Вы молодец, Счастливчик, и получаете свободу у...

И в одно мгновение ока мальчик высоко вскинут на воздух и водворен обратно в постель.

За шторой усугубляется возня, и отчаянный голос пронзительно вопит на всю спальню:

– Желаю вам доброго утра! Бонжур!

– Ха-ха-ха-ха! Ах, Коко, бедняжка! Надо его освободить.

В одну секунду Мик-Мик уже у окна. Синяя штора поднята, и белая волна солнца и света вливается в комнату.

На окне висит большая клетка. В ней зеленый попугай с розовой головкой. Он чистит лапку клювом и поет картавым птичьим голосом:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

– Нет, уж ты меня извини, попка, а ты вполне законченный дуралей, – смеется Мик, просовывая и тотчас выдергивая указательный палец между прутьями клетки.

Коко сердится и свистит. Он всегда свистит в таких случаях.

Потом как ни в чем не бывало затягивает снова:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

И ни с того ни с сего прибавляет совсем уже ни к селу ни к городу:

– Попочка любит винегрет!

Мик-Мик и Счастливчик заливчато хохочут.

Глава II

– Еще в постельке! Ай-ай-ай, как нехорошо! Небось Михаил Михайлович уже пришли, чтобы приготовить тебя, Счастливчик, к экзамену, а ты еще в постельке!

Старая, рыхлая, простодушная, как и все русские няни, Степановна проникает в детскую и укоризненно качает седою как лунь головою в ослепительно белом чепчике.

Коко, который именно за этот белый чепец да еще за упорное нежелание давать ему сахар недолюбливает няню, при появлении ее заливается отчаянным криком:

– Ступай прочь! Ступай прочь!

Этой фразе выучил Коко молодой лакей Франц, который тоже не любит няню, не любит за то, что она держит себя, по его выражению, «превыше барыни».

При неожиданном крике Коко няня вздрагивает, пугается, потом начинает сердиться.

– Тьфу, пропасть! – ворчит она. – Глупая птица! Постой, я вот тебя!..

– Я вот тебя! – как эхо крикливо вторит ей попугай.

Счастливчик с Мик-Миком хохочут. Няня начинает сердиться уже самым серьезным образом.

– Барыня вас спрашивали, батюшка мой, – обиженным голосом обращается она к студенту. – Благоволите пройти в столовую.

– Хорошо, я сейчас «благоволю пройти» в столовую, – отвечает, смеясь, Мик-Мик, – а вы, старушка божия, не извольте себе ради глупой птицы кровь портить. Ведь Коко безвредная штучка.

– Коко безвредная штучка! – покорно соглашается попугай.

Мирский вышел. Няня принялась за мальчика. Началось утреннее одевание, обмывание, расчесывание длинных и мягких, как паутина, белокурых кудрей Счастливчика.

Обтерев все тело мальчика губкой, смоченной в туалетном уксусе, няня надела прежде всего Кире фланелевый набрюшник на животик, тонкую шелковую фуфайку, теплые егоровские носочки на ноги, а поверх них – длинные, выше колен, шелковые черные чулки и высокие, из желтой кожи, на четырнадцать пуговиц, сапожки. Потом за мраморным, маленьким, как игрушка, умывальником собственноручно намылила ему руки, уши, обтерла губкой лицо, вычистила ногти и зубы и, наконец, надела на Киру дорогой бархатный, с кружевным белым воротником и манжетами, прелестный костюмчик.

Тщательно умытый, причесанный и нарядный, со своими длинными локонами, обрамляющими, как в раме, тонкое красивое личико, весь в бархате и кружевах, Счастливчик казался теперь чудесной дорогой французской куклой или, вернее, маленьким принцем из волшебной сказки.

– Молись Богу, мой батюшка, чтобы на экзамене какой прорухи не вышло! – настаивательно проронила няня и, опустившись на колени перед киотом с мерцающей лампадкой, зашептала блеклыми старческими губами: – Господи, помоги отроку Твоему Кириллу! Заступница, Царица Небесная, умудри младенца своего!

И Кира молился тоже.

Обычно неугомонный Коко притих в своей клетке и, свернув набок свою зелено-розовую головку, усердно наблюдал коленопреклоненные фигуры мальчика и старухи.

Глава III

Когда Кира вошел в столовую, вся семья была уже в сборе. Пили чай за большим столом. На главном месте, в кресле, сидит бабушка.

Она еще издали протягивает руки своему любимцу. Ее милое, доброе, красивое, все излученное мелким сиянием морщинок лицо и большие серые глаза улыбаются Кире.

В своем обычном черном шелковом платье, с черной же шелковой кружевной косынкой на седых, как серебро блестящих волосах, маленькая, изящная Валентина Павловна Раева удивительно похожа на изображение маркиз на старинных французских картинах. Счастливчик весь в нее, вылитый портрет.

Тут же, за столом, сидит одиннадцатилетняя Симочка, бабушкина воспитанница, взятая с трехлетнего возраста в дом Раевых бедная сирота. Симочка скромно потупила глаза и всеми силами старается скрыть огромное чайное пятно, сделанное ею на чистой, только что посланной скатерти.

Симочка – маленькое, лукавое, вертлявое существо. Любит сладкое и интересные сказки. Часто говорит неправду и когда солжет, то всегда ее светлые глазки принимают беспокойное выражение.

Симочка некрасива. Личико птички: остренькое, с маленьким носом-пуговкой и маскою веснушек. На белокуро-рыжеватых, двухцветных волосах голубенькая круглая гребенка. Волосы коротенькие и из-под гребенки стоят на темени торчком. Рожица лукаво-шаловливая, старающаяся казаться скромной.

Против Симочки за столом сидит Ляля.

Ляле, родной сестре Киры, четырнадцать лет. Она калека. Ходит на костылях с четырехлетнего возраста. До четырех лет она не ходила совсем. Доктора говорят, что болезнь Ляли пройдет с годами, а пока ее усиленно лечат, возят на юг и за границу и мучают всякими втираниями, ваннами и душами.

У Ляли красивое тонкое личико, такое же, как и у Киры и бабушки, только черные большие глаза Ляли всегда печальны, а тонкие бледные губки смеются редко.

Около Ляли ее гувернантка – Аврора Васильевна, строгая, суровая ко всему миру, но бесконечно добрая и мягкая к одной Ляле, которую она обожает. Аврора Васильевна – худая, высокая, как жердь, особа, гладко причесанная, в строгого фасона суконном платье, без малейшего украшения, бантика, кружевца.

С другой стороны Ляли поместился monsieur Диро, воспитатель Счастливчика. Monsieur Диро – француз из Парижа, говорит плохо по-русски и как родного сына любит и балует Киру, воспитание которого ему поручено с пяти лет. Он же дает уроки Ляле и Симочке по французскому языку и рисованию, а в свободное от занятий время пишет масляными красками картины.

Мик-Мик – его враг. Monsieur Диро никак не может простить студенту, что он отнял от него совсем за этот последний год Счастливчика, и часто жалуется, что с тех пор, как Мирский приходит ежедневно заниматься с Кирой, мальчик как будто чуточку охладел к своему старому другу, к своему «Ами», – как Счастливчик, а за ним и все в доме прозвали старого французца.

У monsieur Диро короткие, пегие от сильно пробивающейся седины волосы, небольшая борода, седые усы, добродушнейшее в мире лицо и мягкая улыбка.

Сейчас Ами усиленно спорит о чем-то на своем ломаном французско-русском наречии с Мирским. Лицо сердито-недовольное, седые брови сжаты. В глазах огоньки.

Но вот входит Счастливчик и останавливается на пороге.

– Доброго утра, Счастливчик!

Голос бабушки, нежный, грудной, ласковый, так и льется прямо в душу.

– Как спал, дитя? Не болит ли что? Может быть, ночью беспокойно спалось в ожидании экзамена?

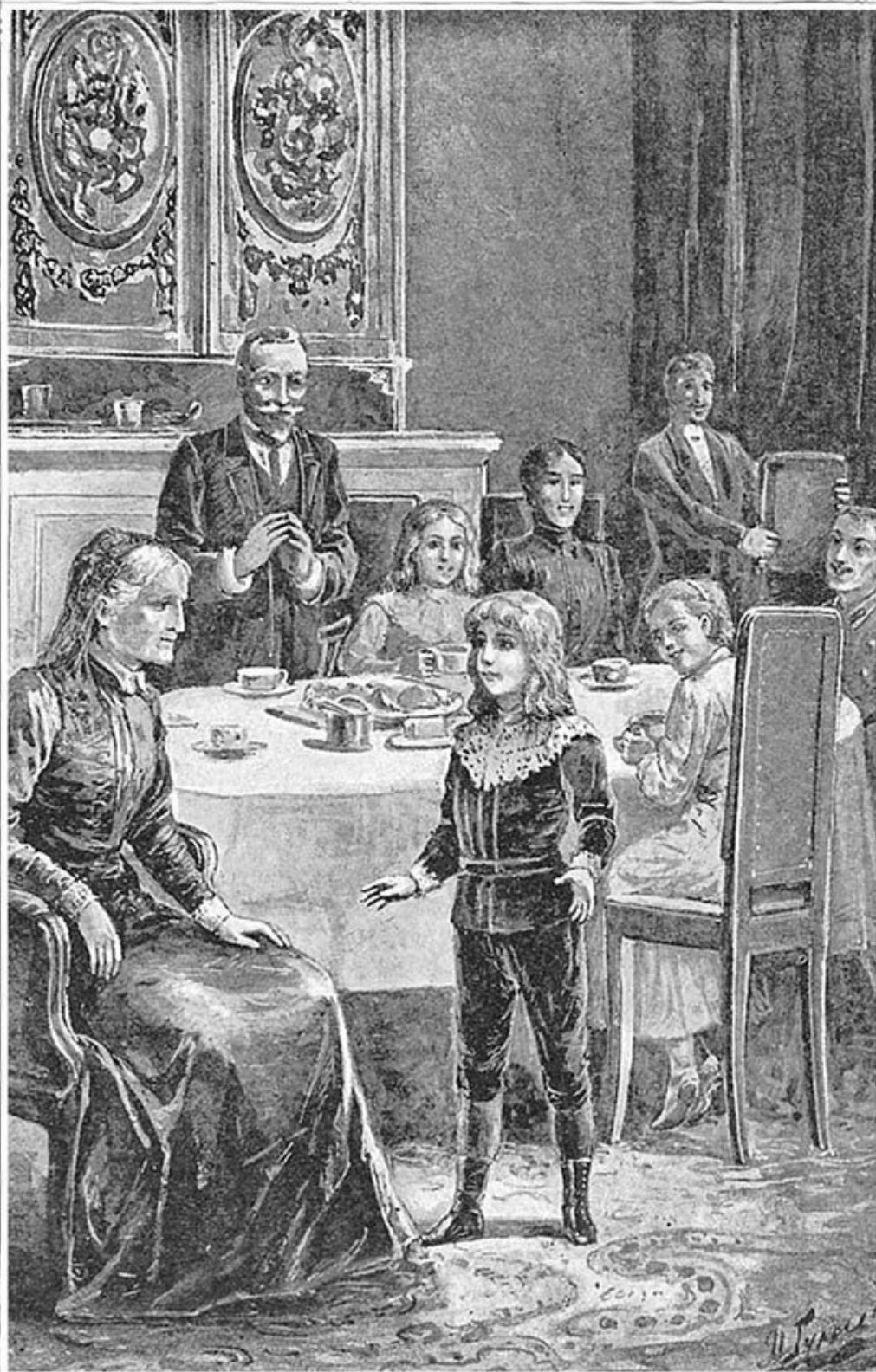
Глаза бабушки близоруко щурятся и сияют.

Счастливчик целует почтительно бабушке руку.

– О, не беспокойся, милая, милая бабушка! Я совсем не боюсь экзамена, ну ни чуточки не боюсь! – своим звонким голоском отзывается Счастливчик.

– Еще бы он боялся! Да если бы вы труса праздновали при вашей подготовке, Кирилл Кириллович, я бы и знать вас не захотел! – отзывается с конца стола Мик-Мик таким страшным необычным басом, что Симочка взвизгивает от восторга и, сделав резкое движение, окончательно разливает чай на скатерть.

Аврора Васильевна значительно вскидывает глазами в ее сторону и грозит пальцем. Пятно получается огромное – не пятно, а целая лужа, которая и размазывается дальше и дальше настоящим озером по столу. Симочка, красная как рак, потупляет глазки и бросает испуганный взгляд на бабушку.

Глаза бабушки близоруко щурятся и сияют:
Счастливчик совсем не боится экзамена, ни чуточки не боится.

Но бабушка занята Счастливчиком. Надо ему налить какао, не забыть предварительно заставить принять Киру ложку какого-то снадобья, которое три раза перед едою, вследствие

малокровия, принимает Счастливчик, выбрать булочку, прибавить сахару в его стакан в серебряном дорогом подстаканнике и так далее. Не до Симочки сейчас, не до других.

Впрочем, не одна бабушка сейчас занята исключительно внуком. С той минуты, как в столовую вошел Счастливчик, лица всех засияли и растянулись в довольные улыбки. Просиял Ами, просияла печальная Ляля, просиял молодой щеголь-лакей Франц, стремительно подставляя маленькому барчонку его удобный, нарочно заказанный для него бабушкой стул с высоко прилаженным сиденьем. Даже по обычно холодному у, строгому лицу Авроры Васильевны проползло нечто похожее на улыбку, а лукавые, теперь несколько смущенные глазки Симочки заискрились и заблестели как звезды. Счастливчика целовали, обнимали, пожимали его крошечную миниатюрную ручку, невольно любясь при этом его изящной фигуркой в бархатном наряде с большим воротником.

Счастливчик важно восседал на высоком стуле, пил какао, кушал сдобные крендельки и булки и с видом взрослого, ужасно серьезного человека слушал, как вести себя в гимназии во время экзаменов, слушал последние наставления, даваемые ему Мик-Миком.

Он не боялся предстоящих испытаний ни капли. Счастливчик не боялся уже потом у, что все то, что полагалось знать для ученика первого класса, мальчик благодаря стараниям своего учителя знал на слав у. И потом, с самых ранних лет Кира привык верить, что все вокруг него было точно создано для его радостей, все ему удава лось как нельзя лучше, все шло гладко и ровно, как по маслу, и что он был настоящий Счастливчик и баловень семьи. Так неужели же судьба теперь изменит Счастливчику и он не выдержит экзамена?!

Глава IV

– Андрон, подавай!

Щеголеватый Франц с быстротою мальчика выскочил с лестницы и молодецким жестом отстегнул кожаный фартук коляски.

– Пожалуйста!

Сначала в коляску села бабушка. Подле нее поместился Счастливчик в красивом летнем плаще и мягкой широкополой панаме-шляпе, придававшей ему еще больше сходства с хорошеньким маленьким принцем.

На крыльце стояли Мик-Мик, Ами и няня.

Няня крестила Счастливчика, шепча молитву. Мик-Мик кричал весело:

– Смотрите же, Кира, не спутайте, сколько семью девять... Да в диктовке будьте повнимательнее! У вас насчет буквы «ять» не больно-то щедро бывает... Если на пятерках не выедете, берегитесь возвращаться, Счастливчик! Живым проглочу!

А Ами кричал, в свою очередь, по-французски:

– Courage! Courage, mon garçon!³

И все трое улыбались и кивали.

Мик-Мик должен был тоже ехать в гимназию – и для того, чтобы узнать об участии экзаменов Киры, и для того, чтобы переговорить, если понадобится, с директором гимназии, а главным образом – с целью поддержать своим присутствием бодрость духа в Счастливчике.

Бабушка и внучек поехали в гимназию в «собственной» шикарной коляске. Мик-Мик идет туда сначала пешком, потом садится в электрический трамвай и едет.

Раевы живут далеко от гимназии, которая находится в самом центре города. У бабушки собственный дом, большой, белый, двухэтажный, окруженный тенистым садом, точно маленькое имение, с качелями, площадкой лаун-тенниса и крокета. Когда Счастливчик выдержит экзамен и поступит в гимназию, monsieur Диро будет отвозить его туда ежедневно. Бабушка уже решила это. В более близкую гимназию она ни за что не отдаст своего любимца потом у, что там воспитываются дети дворников, сапожников, мелких торговцев. В той же, куда они едут сейчас, учатся почти исключительно дети из более изысканного общества. Бабушка уже давно, прежде чем поступать туда Кире, тщательно навела об этом справки, опасаясь, как бы Счастливчик не заразился дурными манерами среди плохо воспитанных детей. Бабушка думает и сейчас об этом.

А гнедой Разгуляй то и дело набавляет ходу под опытной рукой кучера Андрона. И Андрон, и Разгуляй, очевидно, понимают всю торжественность минуты: маленький барин едет держать экзамен. А вы думаете, это легкая штука, экзамен?

³ Смелее! Смелее, мой мальчик! (фр.)

Глава V

– Боже ты мой, какой маленький! Сколько же ему лет?

Человек в синем вицмундире⁴ с блестящими пуговицами и бархатным воротником смотрит сквозь золотое пенсне сначала на бабушку, потом на крошечную фигурку Счастливчика, всю утонувшую в бархате, кружевах и кудрях.

Бабушка смущена. В самом деле, Счастливчик такой маленький, худенький и хрупкий, что кажется семилетним.

– Ему уже девять лет! – говорит бабушка инспектору, так как человек в синем вицмундире с блестящими пуговицами – инспектор той гимназии, куда поступает Кира.

– Фамилия? – кратко осведомляется еще раз инспектор.

– Кирилл Раев, – говорит бабушка, немного испуганная его строго деловым тоном.

– Потрудитесь пройти в общую приемную, – снова роняет деловой человек и устремляется куда-то в дверь, наскоро сделав заметку в своей записной книжке.

У него такое серьезное, сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, показавшиеся Кире сердитыми, что мальчик рад, когда сердитый синий человек оставил их в покое.

Чуть-чуть волнуясь, Валентина Павловна прошла с внуком в коридор, который ведет в приемную.

О, сколько народа! Какой шум от многих голосов! И мальчики, мальчики, мальчики без конца. Столько мальчиков вместе Кира никогда еще не видел за всю свою маленькую жизнь.

– Все они пришли экзаменоваться? – шепотом осведомляется у бабушки Счастливчик.

– Да-да, милый! – получается такой же тихий ответ.

Счастливчик останавливается посреди комнаты. Его большие черные, теперь серьезные глаза оглядывают присутствующих внимательным, зорким взглядом.

⁴ Вицмундир— форменная одежда чиновников в царской России.

Вдруг один мальчик крикнул: «Вот так штука! Ни мальчик, ни девчонка, а будто кукла в шляпе!»

Личико его сосредоточенно. Белокурые локоны падают на лоб.

– Какой красавчик! Точно картинка! А какой малюсенький! – слышится подавленные возгласы восторга и изумления вокруг него.

Родители и дети, находящиеся в приемной, заняты все исключительно созерцанием очаровательного ребенка.

Но Счастливчик равнодушно относится к похвалам. Еще бы! Он так привык с детства, чтобы им восхищались. Зато по лицу бабушки проходит довольная улыбка. Бабушка очень любит, когда хвалят ее любимца.

Вдруг один мальчик, стоявший подле бедно одетой худощавой женщины, скромно приютившейся в углу, пристально взглянул на Счастливчика и громко, на всю комнату, крикнул, нисколько не стесняясь:

– Вот так штука! Ни мальчик, ни девчонка, а точно кукла в шляпе! Мама, погляди!

Бедно одетая женщина испуганно зашикала на сына и замахала руками, багрово краснея и смущенно оглядываясь на соседей:

– Что ты, Ванюшка, что ты! Разве можно так!

Бабушка повела на дерзкого мальчика молниеносным взором и процедила недовольным тоном, тоже слегка краснея и строго поджимая губы:

– Какой дурно воспитанный мальчик!

Но «дурно воспитанный мальчик», как говорится, и глазом не повел на замечание бабушки. Он продолжал внимательно и зорко, как невиданного зверька, осматривать Счастливчика и тихо хихикал, закрыв себе рот кулаком. Его серые небольшие глазки так и искрились.

Кира тоже, в свою очередь, внимательно смотрел на мальчика. Здоровый, широкоплечий, плотный, с коротко остриженной головой, с румянцем во всю щеку, он представлял из себя завидный тип маленького богатыря. А костюм у краснощекого, так и пышущего силой и здоровьем «богатыря» был совсем простой, бедный: черная, довольно поношенная, хотя и чистая курточка, простенькие штаны, ременный пояс и высокие сапоги в заплатах.

Эти заплатанные сапоги начинали заметно беспокоить бабушку.

«Вот вам и первоклассная гимназия! – мысленно изводилась Валентина Павловна. – Думала, что здесь все дети зажиточных родителей, и вдруг оказывается, что и мужиков сюда водят экзаменоваться!»

Волнению Валентины Павловны, однако, суждено было скоро принять иное направление. Открылась стеклянная дверь в соседнюю комнату. На пороге ее очутился знакомый уже человек в синем вицмундире.

– Прошу детей выстроиться в пары и идти в зал!

Бабушка заволновалась сильнее.

– Идти в зал, а Мик-Мика еще нет!

Но вот на пороге приемной вырисовалась стройная фигура студента в серой тужурке.

– Вот и я! Не опоздал?

Мирский не один. С ним высокий полный господин в таком же синем вицмундире, как и у инспектора. И пуговицы такие же – блестящие, золотые. Только лицо другое: доброе, веселое, смеющееся.

– Это – преподаватель математики! – говорит Мик-Мик, целуя руку бабушки. – Зовут его Владимир Александрович Аристов.

– Батюшки мои! Это еще что за прелесть! – раздражается восхищенным басом представленный учитель, глядя на Киру. И, едва успев пожать руку бабушки, он берет за руку Счастливчика и идет с ним впереди правильно выстроенной по два в ряд шеренги мальчиков прямо в зал.

Глава VI

Какой он был, этот зал, – большой и светлый! Окна, окна, без конца. Солнце так и заливает огромную белую комнату. Паркетный пол гладок, как зеркало. В переднем углу образ Спасителя, благословляющего детей. Перед ним стол, покрытый зеленым сукном, стулья вокруг, а по всему залу расставлены ученические столики и скамейки.

За зеленым столом целое общество. Счастливчику хорошо видны чужие, незнакомые мужчины в синих сюртуках с блестящими пуговицами. У одного из них на груди надето что-то вроде звезды, у других ордена или знаки – Кира не может разобрать хорошенько. В конце стола сидит пожилой священник в лиловой рясе. Золотой крест на цепочке горит и искрится на солнце сотнями лучей. Лицо у священника худощавое, строгое, с узкой седенькой бородкой.

Мальчиков, вошедших в зал, тотчас же рассадили по скамейкам. На столах перед ними уже заранее положены чистые листы бумаги для диктовки и вставочки с перьями. Чернильницы неподвижные, вделаны в столы.

Владимир Александрович Аристов подвел Счастливчика к первой скамейке, стоявшей по соседству с зеленым столом, и посадил.

– Какой красивый ребенок! – сказал господин в синем сюртуке со звездой на груди.

Сказал он это очень тихо окружающим, но так, что Кира услышал его слова.

– Поклонись ему, мой мальчик. Это директор гимназии, – шепнул учитель математики Кире.

Кира встал с места, шаркнул ножкой и склонил голову. Кудри упали ему на лицо.

От стола отошел маленький кругленький человечек в очках.

– Пишите, дети. Я буду вам диктовать, – проговорил он громко каждое слово и стал еще громче нанизывать фразу за фразой, одну за другой, одну за другой: – «Летом хорошо в деревне. Все зелено и сочно в лесу. Поют веселые маленькие птички, журчат ручьи, мелькают пестрые мотыльки».

Учитель диктовал, мальчики писали.

Счастливчик умел хорошо писать диктовки. Мик-Мик за весь последний год приучал его к этому.

«Только бы не провратиться с буквой „ять“, – мысленно подбадрывал себя Кира, – а диктовка сама по себе легонькая, пустяки!»

Около Киры сидел худенький, прозрачно-бледный мальчик с синими ласковыми глазами. Писал он старательно, высунув язык и переводя его то и дело из одного угла рта в другой. Видя, что Кира на него смотрит, мальчик спрятал язык, вспыхнул до ушей, потом покосился снова на Киру и кивнул ему головою:

– Меня зовут Алей Голубиным, – произнес он нежным детским голосом. – А тебя?

Счастливчик не успел ответить. Маленький человечек в вицмундире кончил диктовать и отбирал листки с написанным.

Начались устные экзамены. Мальчиков вызывали к столу, спрашивали их по русской грамматике, арифметике и Закону Божию, заставляли читать по какой-то толстой книге и рассказывать прочитанное своими словами.

Кирина сосед был вызван одним из первых. Он обдернул курточку и, красный от смущения, подошел к столу. Там уже отвечал стриженный, плохо одетый краснощекий толстяк, назвавшийся там, в приемной, Счастливчика «куклой». Краснощекий мальчик отвечал прекрасно, отчетливо, громко, уверенно и смело поглядывал на всех своими серыми смеющимися глазами.

– Хорошо, очень хорошо! – одобряли его сидевшие за столом директор, инспектор, батюшка и учителя.

Потом краснощекий прочел по желанию учителя басню «Зеркало и обезьяна», прочел с такими ужимками и забавным выражением, что все за столом невольно рассмеялись.

И мальчики смеялись тоже. Уж очень забавным казался краснощекий.

– Раев! – услышал наконец Счастливчик свою фамилию и затем еще две другие, и три названные мальчика очутились перед зеленым столом.

– Твое имя? – обратился директор к Кире.

– Счастливчик.

За зеленым столом рассмеялись решительно все.

Учитель математики подхватил Киру и усадил его к себе на колени.

– Ну-с, маленький Счастливчик, скажи-ка, сколько будет шестью семь?

– Сорок два! – подумав секунду и тряхнув головою по привычке, отвечал Кира.

– А восемью девять?

– А пятью восемь?

– У одного мужика было шесть десятков яблок, у другого на тридцать пять штук меньше.

Сколько было у обоих?

Счастливчик решил, сколько было у обоих, и поделился своим решением с учителем. Тот назвал его молодцом, погладил по головке и отправил экзаменоваться к батюшке.

Священник взглянул сначала очень строго через очки на нарядного, в бархате и кружевах, с длинными кудрями, мальчика, но, встретив ясный, открытый взгляд больших серьезных и сосредоточенных глазёнок, сразу смягчился.

– Что ты знаешь о Сотворении мира, малыш? – спросил он Киру.

– Господь Бог, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любимся. По одному Его слову явилась земля и солнце и все-все в мире, – стал рассказывать Счастливчик.

Счастливчик знал о Сотворении мира очень многое, знал все то, чему так добросовестно выучил его Мик-Мик. Поэтому он рассказал очень умно, подробно и толково о том, как создал Господь Бог мир. И молитву Господню «Отче наш» Счастливчик сумел прекрасно перевести со славянского на русский язык.

– Ступай, мальчик, прекрасно! – ободрил его батюшка и что-то отметил пером на листе бумаги, лежавшем перед ним.

Счастливчик очутился перед кругленьким маленьким человечком, тем самым, который диктовал.

Тот сует Счастливчику в руки большую, толстую книгу у, которая едва помещается в маленьких ручонках, – ужасно тяжелую, неудобную книгу у. Чтобы облегчить себе задачу, Счастливчик кладет книгу на стол, сам садится на свободный стул у стола, на котором недавно сидел инспектор, и как ни в чем не бывало начинает чтение:

– «Жил старик со старухой у самого синего моря...»

Сидеть экзаменующимся за столом не полагается, отвечать надо стоя, но... никто не решается остановить крошечного мальчика, который, очевидно, чувствует себя как дома.

Но вот сказка прочтена и рассказана. Рассказана, должно быть, очень хорошо, потому что маленький толстенький учитель улыбается и одобрительно покачивает головою.

Улыбается не один толстенький человечек: улыбается директор, подошедший инспектор, батюшка, другие учителя.

Потом «толстенький» забрасывает Счастливчика целым градом вопросов:

– Что такое имя существительное? Прилагательное? Глагол? Наречие?

Счастливчик все это знает и отвечает прекрасно. Вот только наречие... Что это такое? Для него, Счастливчика, это совсем-совсем чужое, незнакомое слово. О наречии он еще ничего не слышал.

– Мик-Мик мне о наречии ничего не говорил, и я не знаю, что это такое! – откровенно признается учителю Счастливчик и широко раскрывает от недоумения свои и без того огромные глаза.

За зеленым столом раздается взрыв веселого смеха.

Счастливчик обводит присутствующих удивленным взглядом. Разве он сказал что-нибудь забавное, что все они так смеются?

– Да сколько же лет этому карапузику? – обращается директор к инспектору, присевшему с ним рядом, так как его прежнее место продолжает быть занято Кирой.

Счастливчик сам, лично заявляет, что ему с весны стукнуло девять. И опять все смеются добрым, ласковым смехом.

Потом учитель математики берет снова его за руку и ведет в приемную.

– Вот вам ваше сокровище! – говорит он, сдавая Счастливчика ожидавшим его с большим нетерпением бабушке и Мирском у. – Поздравляю вас, сударыня. Мальчуган выдержал экзамены на славу. Одним из первых. Одно только: наречия не знал, да и то чистосердечно сознался, что Мик-Мик его не учил этому.

– Совершенно верно, не учил, – расхохотался Мирский. – Я думал – не надо, так как это не значилось в программе. А в диктовке сколько ошибок, Кира? – сразу принимая озабоченный вид, осведомился Мик-Мик.

– Ни одной, насколько я помню! – отвечал за мальчика учитель.

– Ой, да какой же вы молодчинище! Не осрамил! Спасибо! – окончательно развеселился Мик-Мик. – Дайте мне пожать вашу благородную лапку.

Счастливчик дал пожать свою маленькую ручку Мик-Мику, который потряс ее довольно основательно.

– Двадцать первого молебн, а двадцать второго классы начинаются, – подходя к бабушке, проговорил инспектор, вышедший из зала. – Ваш внук принят, сударыня, в первый класс. Можете заказывать ему форму. Экзамены он сдал прекрасно!

И строгие черты инспектора приняли доброе выражение, а худая рука его ласково потрепала щечку Киры.

О, какую дивную музыкою прозвучали эти слова в ушах Счастливчика!

Ему можно шить форму! Он – гимназист!

Довольное лицо Мик-Мика, улыбающееся – инспектора, влажные от слез глаза бабушки – все смешалось. Счастливчик точно сквозь сон помнит, как поздравил его с поступлением в «емназию» с козел, широко ослабившись, кучер Андрон, как сели бабушка с Мик-Миком в коляску, как он, не чуя себя от радостного возбуждения, поместился между ними, как прямо с места взял Разгуляй, как они помчались по петербургским улицам, сияющие и счастливые, все трое...

Вот и милый, большой белый бабушкин особняк, тенистый сад, крыльцо, дверь, улыбающийся во весь рот встретивший их Франц, сияющие лица няни, monsieur Диро, Ляли, Симочки.

– Ну, что? Как?

– Выдержал! Выдержал! Прекрасно! – громко заявляет бабушка и тут же чуть ли не в сотый раз принимается благодарить Мик-Мика.

Потом все бросаются к Кире, целуют, поздравляют его.

– Гимназист! Маленький гимназист! Милый, славный маленький Счастливчик!

За завтраком все сидят с торжественными лицами, точно на именинах.

Симочка, уписывая за обе щеки вареники с сахаром, шепчет Кире:

– Приходи в твою детскую, Счастливчик, я тебе приготовила за это утро маленький сюрприз.

Сюрприз? Она? Симочка? Скорее, скорее кончайся же, завтрак!

У Симочки лукаво-непроницаемая рожица, а глаза так и искрятся.

– Вот увидишь! Вот увидишь! – шепчет она и задорно смеется. – Очень-очень занятный сюрприз!

Окончен завтрак. Дети стремглав летят в детскую, как на крыльях летят. Симочка влетает первая и прямо к клетке.

– Коко, попочка, кто пришел? – выкрикивает она звонко на всю комнату.

Коко поворачивает голову от чашечки с подсолнухами, которыми он только что наслаждался, раскрывает свой крепкий клюв и очень ясно и толково произносит только что заученную им, очевидно, фразу:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здравствуй, гимназист!

– Вот видишь, видишь! Это я ему все утро вдалбливала, – хохочет Симочка и бьет в ладоши, потом ураганом вертится по комнате и визжит от восторга.

Счастливчик сияет. Счастливчик радуется, как майское утро. Это лучший день в жизни Счастливчика! Ах, как славно, как хорошо, как весело жить!

А Коко без умолку заливается в клетке:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здравствуй, гимназист!

Глава VII

Только восьмой час утра, но в гостиной целое заседание. Впрочем, в эту ночь почти никто не спал от томительного ожидания. Сегодняшнее утро – очень важное утро. Сегодня Счастливчика отправляют в гимназию в первый раз.

Собственно говоря, прошла уже целая неделя со дня молебна в гимназии, целая неделя уроков. Мальчики, поступившие вместе со Счастливчиком, уже целые семь дней посещали классы, но Кира едет туда сегодня только впервые.

Как это случилось?

Очень просто. На другой день после молебна в гимназии Кира слегка простудился и схватил насморк. Еще бы, в большом зале на молебне так дуло! Бабушка сразу заметила это и сказала monsieur Диро. Но что должен был сделать monsieur Диро? Двери постоянно открывались, воспитатели, начальство и дети то и дело входили и выходили в коридор, а из коридора несло холодом, как из погреба или из подземелья. Кира чихнул раз на молебне, раз в швейцарской, когда его одевали, раз по дороге домой в коляске... И этого было достаточно, чтобы бабушка тут же испуганно проговорила:

– Простудился! Боже мой! Вы слышите, он чихает, monsieur Диро! Он простудился! – И решила тут же: – Нет-нет, пока у тебя, Счастливчик, не пройдет насморк, я не пущу тебя в гимназию ни за что.

А дома – постель, горячая малина, хина⁵, скипидар со свиным салом – все это дождем посыпалось на Киру.

Насморк соблаговолил пройти только через неделю, и только через неделю Счастливчику уда лось собраться в гимназию.

Вот он стоит посреди гостиной, тоненький, стройный, миниатюрный. Новенький гимназический костюм его сделан из тончайшего сукна и на заказ у лучшего портного. Сапоги – черные, изящные – блестят, как зеркало. Ременный пояс, белый воротничок и фуражка в руке. Няня держит пальто наготове, Симочка – новенькие резиновые калоши, хотя на дворе теплый, сухой, почти жаркий сентябрьский день и в калошах нет никакой надобности.

У всех умиленные лица: у бабушки, у няни, у monsieur Диро.

Симочка сияет всей своей плутоватой рожицей и тихонько шепчет, так, чтобы никто не слышал, кроме Киры:

– Гимназист – синяя говядина! Синяя говядина!

Симочка узнала откуда-то, что так гимназистов дразнят из-за синих мундиров.

Звонок в передней. В переднюю стрелой несется Франц.

– Это Михаил Михайлович! – говорят бабушка и няня в один голос.

– Это Мик-Мик! – весело кричит Счастливчик.

Действительно, это Мик-Мик. Он входит красный, веселый, смеющийся.

– Надеюсь, я не явился слишком рано?.. Впрочем, вероятно, все на ногах еще со вчерашнего дня?

И вдруг лукавые сощуренные глаза широко раскрываются при взгляде на Счастливчика. На лице Мика появляется самое красноречивое удивление, почти ужас.

– Локоны! Локоны! Локоны! – в испуге роняет Мирский. – О, разве можно быть гимназисту с локонами! – И, схватившись за головы у, Мик-Мик раскачивается из стороны в сторону, точно у него страшно разболелись зубы.

– Что? Что такое? – пугается бабушка.

⁵ Хина (хинин) – вещество, получаемое из коры хинного дерева, применяется в медицине для улучшения пищеварения, предотвращения кровотечений, в лечении малярии.

– Кудри-то, кудри вы ему срезать забыли! – продолжает раскачиваться Мик-Мик. – Ведь это не гимназист, а девчонка какая-то, поймите! – выходит он из себя.

– Ну, уж выдумали тоже... Гимназист, конечно, и даже очень хорошенький гимназист! – обижается за Киру бабушка и целует своего любимца.

– Нет, так нельзя идти в гимназию. Товарищи прохода не дадут, прозовут болонкой, левреткой, бараном, – волнуется Мирский, – да и от инспектора влетит Счастливчику за такую прическу. Симочка, – живо обращается Мик-Мик к девочке, – благоволите принести из спальни ножницы, отменная девица!

«Отменная девица» ныряет куда-то в дверь и стрелой возвращается снова в гостиную.

– Вот вам ножницы, Михаил Михайлович! – говорит она, с обычными плутоватыми огоньками в глазах протягивая просимое.

– Не дам уродовать Киру, не дам! – вдруг энергично протестует бабушка, как только вооруженная ножницами рука Мик-Мика приближается к белокурой головке Счастливчика.

– Понятно, барыня-матушка, не давайте! С какой это радости ребенка портить вздумали! – поддерживает бабушку и няня, кидая сердитый взгляд на студента.

– Оставьте, оставьте! – волнуется на французском языке и monsieur Диро.

Мик-Мик пожимает с досадой плечами.

– Господи, да простится им! Сами не ведают, что творят! – шепчет он, поднимая с комическим видом глаза к небу.

Локоны Киры спасены...

Глава VIII

– Маленького барина барышня просят...

Франц говорит это и улыбается, глядя на Киру сияющими глазами, – любитесь им. Франц любит Киру, как и все любят в этом доме милого, ласкового, мягкого Счастливчика, решительно все.

– Ступай, ступай к Ляле, дитя. Она не может проводить тебя так рано, она в постели, – и бабушка не в силах удержаться, чтобы не поцеловать еще раз белокурую головку.

Темным широким коридором, на дальнем конце которого день и ночь светится электрический фонарик, Счастливчик идет к сестре. Вот направо дверь ее комнаты.

Кира останавливается, стучит пальчиком:

– Можно войти?

– Войди, войди, милый, милый Счастливчик!

Ляля лежит в постели, такая худенькая, бледненькая, хрупкая, как белый нежный тепличный цветок. Она спит мало от недостатка движения, как и всякая калека, но встает поздно. День и без того кажется таким длинным для бедняжки – ведь она почти не может ходить.

Аврора Васильевна, в темном платье, причесанная и одетая с самого раннего утра, точно она вовсе и не ложилась, протягивает Кире худую холодную руку.

– Здравствуйте, голубчик. Вот вы и гимназист и, надеюсь, порадуете нас вашими успехами. Правда?

Аврора Васильевна пожимает Кире тоненькие пальчики, точно взрослому у, и выходит из комнаты, улыбнувшись на прощанье своей холодной, спокойной улыбкой.

Ляля и Счастливчик одни.

Девочка садится на постели, протягивает руки. Ее огромные черные глаза смотрят с минуту восхищенным взглядом.

– О, какой ты красавчик, Счастливчик! Какой красавчик!

Она любит Киру, кладет ему на плечи свои тоненькие прозрачные руки. Слезы, как капельки бриллиантов, блестят, переливаясь, в ее темных, как угли, зрачках.

– Милый маленький Кира! Милый маленький гимназистик! Крошечка родной! Если б тебя видели покойные мама с папой! О, как бы они полюбовались тобою! Милый, милый, малюсенький мой!

Она обнимает мальчика. Кира прижимается к ней. На минуту брат и сестра смолкают, застыв в тесном, крепком объятии.

Потом Ляля чуть-чуть отстраняет братишку. Ее глаза принимают серьезное, вдумчивое, почти строгое выражение.

– Слушай, Счастливчик, – говорит она серьезным, торжественным голосом. – Мама и папа наши умерли... Но оттуда, – тут Ляля подняла свой тоненький пальчик кверху, – оттуда они видят все. Ты не огорчишь их никогда, не правда ли, Счастливчик?... Ты вступаешь в новую жизнь. Помни одно, маленький: никогда не лги, старайся хорошо учиться, помогай другим, чем можешь. Да?

Глаза Ляли загораются близко-близко от глаз Счастливчика.

– Да, обещаю тебе это, – роняет мальчик тихо, но уверенно и открытым, честным взглядом смотрит на сестру.

– Мама и папа благословили бы тебя сегодня. Я сделаю это за них, – говорит Ляля. – Встань на колени, Счастливчик.

Мальчик повинуется. Белокурая головка склоняется к постели сестры. Льняные локоны рассыпаются по одеялу.

– Господи! Помилуй моего брата Киру и помоги ему хорошо учиться и радовать нас! – шепчут бледные губки Ляли.

И она осеняет склоненную головку маленьким образком, только что снятым со стенки. Потом образок этот вешает на шею Счастливчика, рядом с золотым крестильным крестом.

Бледные губы Ляли шепчут молитву, и она осеняет склоненную головку Счастливчика маленьким образком.

– Ну, а теперь с Богом, ступай! До свиданья, Счастливчик!
И со слезами на глазах, но со счастливой улыбкой Ляля в последний раз целует брата.

И то пора...

– Время ехать, Счастливчик! – пискнул знакомый голосок под дверь.

Это Симочка. Ее прислали сюда из гостиной – поторопить нового гимназиста.

– Сейчас! Иду! Иду!

В горле Счастливчика щекочет что-то. Хочется заплакать и целовать еще и еще, бесконечное число раз милую, добрую, кроткую Лялю. А на душе так тихо, радостно и светло-светло, как в праздник Пасхи, совсем-совсем как тогда...

– Сейчас, сейчас!

С сожалением покидает мальчик уютную, славную спальню сестры.

Черные, горящие теперь, как две свечи, большие глаза Ляли провожают Киру любящим взором до самой двери.

Под дверью стоит Симочка. Она подглядывала в замочную скважину, что делалось в спальне. Ее глаза так и сверкают любопытством.

– Она тебя благословила! Я видела!.. – уверенным тоном заявляет она.

– Подсматривать очень дурно! – строго говорит Счастливчик и грозит пальцем.

– Вздор! – смеется Симочка. – Ну, бежим скорее. Не то опоздаешь! Бабушка беспокоится – страсть!

И, схватив за руку Счастливчика, она несется с ним по коридору, напевая тихонько:

Вот мчится пара удалая

Вдоль по дорожке столбовой...

Ураганом «удалая пара» врывается в гостиную.

– Счастливчик, можно ли так долго! Ведь опоздаешь! – сыплется на мальчика град упреков.

– Смотрите, Кира, как бы вам за это не сняли вашу кудлатую головку! – хохочет Мирский.

– Сядем, сядем! По русскому обычаю сесть нужно! – волнуется бабушка.

Все садятся. Бабушка с Кирой и Симочкой на диване. Monsieur Диро – в кресле рядом, няня – на кончике стула у дверей. На другом стуле, тоже на кончике, – Франц. Мик-Мик с размаху плюхается на табурет у рояля, открывает крышку инструмента и начинает барабанить на клавишах какой-то чрезвычайно шумный и торжественный марш. Старшие шикают на него и машут руками:

– Разве можно играть в такую серьезную минуту!

Мик-Мик поневоле замолкает, делает круглые страшные глаза по адресу Симочки, которая фыркает от удовольствия, и превратно разваливается в кресле.

Проходит минута. Все встают, крестятся на большой образ в углу гостиной. Потом бабушка крестит и целует Киру, точно он едет бог знает куда, на край света, в Южную Америку, в гости к индейцам. Няня плачет, а monsieur Диро что-то подозрительно долго сморкается в углу.

Мик-Мик тоже извлекает платок из кармана, закрывает им лицо и начинает всхлипывать на весь дом, причитывая в голос, как деревенская баба:

– Не уезжай, голубчик мой, не покидай поля родные! Это так смешно, что нельзя не смеяться. И все невольно смеются веселой выдумке. Симочка – громче всех.

Франц исчезает куда-то и через минуту появляется с объемистой корзиной в руках.

– Это еще что такое? – спрашивает Мик-Мик, делая удивленные глаза.

– Завтрак-с!.. – слышится невозмутимый ответ Франца.

– Какой завтрак? – недоумевает Мирский.

Корзина большая, фунтов⁶на пять; какой и кому может быть туда положен завтрак?

Франц поясняет «господину студенту»:

– Барыня приказали уложить для молодого барина завтрак в *емназию*. Здесь Скобелевские битки в судке с гарниром, в этом углу осетрина под соусом майонез и еще компот в стакане и груша... А в бутылочке – горячее какао; оно обернуто в ват у, чтобы не простыло.

– Ха-ха-ха-ха! – разражается смехом Мирский. – Да что вы меня – уморить хотите, что ли? Завтрак из трех блюд в гимназию! Да еще горячее какао! Да когда и где его ваш Кира съест? сумеет?

И Мик-Мик буквально падает в кресло от обуявшего его смеха.

Бабушка в смущении. Няня в обиде.

– И что вы, мой батюшка, и где это видано, чтобы ребенку есть не давали! – ворчит она, кидая недовольные взгляды на студента.

– Да поймите вы, старушка божия, ведь с таким запасом на Новую Землю, на необитаемые острова, к голодающим в Индию ехать впору! – горячо протестует Мирский. – Кире бутерброд с телятиной или котлетку холодную довольно взять с собою.

Но тут уже вступается бабушка.

– Всухомятку-то! Чтобы животик заболел! Голодом морить прикажете его! Слуга покорна я, я слишком люблю моего Счастливчика! Да и пилюли ему принимать надо перед завтраком. Как же он перед едой всухомятку пилюли принимать станет?.. Франц, – неожиданно приказывает бабушка, – вынеси корзину в пролетку и поставь на козлы в ноги Андрону.

Мик-Мик безнадежно машет рукой, потом оборачивается к Счастливчику:

– В добрый час, Кира! Желаю успеха. Помните мои слова: «Быть маленьким мужчиной», – и он крепко сжимает щупленькую ручку мальчика.

Monsieur Диро берет за руку Киру и ведет на крыльцо. Все провожают мальчика и гувернера.

Бабушка стоит у окна гостиной и машет платком.

– С Богом, с Богом!

Мик-Мик на крыльце корчит презабавную гримасу. Симочка заливчато смеется. Няня крестит вслед пролетку, на которой уже сидят Счастливчик и обнявший его за талию monsieur Диро.

Вдруг остановка. Кричат, машут руками, волнуются на крыльце. Франц стрелой выносятся из дому.

– Пилюли извоили забыть! Барыня приказали, чтобы непременно скушать одну перед завтраком.

– Хорошо-хорошо!

Андрон подбирает вожжи. Разгуляй встряхивается и сразу быстрой иноходью берет от крыльца. Уже на всем ходу протягивает руку Франц и сует Счастливчику аптечную баночку с пилюлями, которые он обязательно принимает перед завтраком и обедом.

Счастливчик приподнимает фуражку, глядит в окно, в котором видна седая голова бабушки, улыбается и кивает головой.

– В добрый час, в добрый час, Счастливчик!

⁶ Фунт – единица измерения массы, около 0,4 кг.

Глава IX

Шум, гвалт, крик, суета...

В первую минуту Счастливчик совсем глохнет от этого шума. Глаза его плохо различают, что происходит вокруг... Он только что вошел сюда с классным наставником, переданный ему с рук на руки monsieur Диро. Сам monsieur Диро уехал домой, обещав снова вернуться к двум часам, к концу уроков, а классный наставник повел Счастливчика в класс.

В классе точно нашествие неприятеля – такая возня и суматоха. Классный наставник, худенький, тщедушный, болезненного вида, еще молодой человек с сердитыми глазами, кричит с порога:

– Сейчас молчать! Если не замолчите, буду записывать!

Шум несколько стихает. Но возня продолжается. Мальчики прыгают по скамейкам, наскоро роются в ранцах, вынимают книги, кладут их на учебные столы...

Этих учебных столов в классе очень много. Называются они партами. Кроме парт Счастливчик замечает посреди класса большую кафедру для учителя, черные доски, на которых пишутся мелом уроки и задачи, глобус в углу, на стенах карты, пол, залитый чернилами, и электрические лампочки с матовыми колпаками, спускающиеся с потолка. В углу висит образ Николая Чудотворца. В другом углу, около большой изразцовой печки, стоит ящик для мусора. В третьем углу – шкаф со стеклянными дверцами и зеленой занавеской, так что не видно, что спрятано в нем.

Счастливчик охватывает всю обстановку класса одним взглядом. Потом глаза его разбегаются... Мальчики, мальчики и мальчики! О, сколько их здесь, в классе!

– Слушай, Раев, – говорит классный наставник Счастливчик у, – у тебя невозможные волосы. Завтра же изволь наголо обстричь эти вихры.

И он презрительно окидывает недовольным взглядом чудесные длинные белокурые локоны Счастливчика.

«Раев!», «Изволь завтра же!», «Вихры!» – какие новые необычные слова для Киры! Никто еще, никто в жизни не говорил с ним так холодно и строго!

Большие черные глаза Счастливчика поднимаются изумленно на классного наставника, но он уже далеко, его нет в классе. Только из-за двери доносится его надтреснутый, раздражительный голос:

– Через десять минут молитва, – обращается он к мальчикам, – извольте одни стать в пары и идти в зал. Мне надо видеть инспектора.

В минуту Счастливчик окружен тесным кольцом черных курток и любопытных лиц его новых приятелей.

– Вот так новичок! – звучит задорный голос над самым ухом Счастливчика. – Ждали мальчика, а он, нате-ка, девчонка!

– Не девчонка, а овца! Овца... Бэ-бэ-бэ-бэ!

– Просто лохмач какой-то!

– Овчарка!

– У моей сестры точно такая кукла! Нечесаная!

– Здравствуй, Перепетуя Акакиевна! Длинноволосая девица!

Голоса звенели весело, выкрикивали звонко.

Кольцо мальчиков сжималось все теснее и теснее вокруг онемевшего, оторопевшего Счастливчика. Изумленный, растерянный, но не испуганный нимало, Счастливчик только окидывал окружающих его мальчиков своими огромными черными глазенками, точно спрашивая, что им всем надо от него.

Мальчики не унимались. То здесь, то там слышались восклицания:

- Клоп какой-то!
- Лилипут! Карлик!
- Блоха!
- Козявка!
- Братцы, да это тот самый, что так смешно у Арифметики экзаменовался!
- Ей-ей, он самый!
- Как тебя зовут? Эй, ты, Лилипутик!

Кира поднял голову на спрашивавшего. Перед ним стоял мальчик, высокий, тонкий, с маленькими мышиными глазками, бегающими вправо и влево. Около него теснились другие мальчишки: черненькие, беленькие, рыженькие, большие и маленькие, но все до единого, по-видимому, крупнее, старше и сильнее его, Киры.

Высокий мальчик сразу не понравился Кире: глаза бегают, губы тонкие, злые, в лице задор.

- Ты Москву видал? – спрашивает он.

И не успевает Кира ответить, как обе руки мальчика тянутся к белокурой головке, крепко охватывают ее около ушей, и Счастливчик в одну секунду поднимается в воздух.

Ему очень больно. Сильные руки мальчика охватывают его так неприятно прямо за уши. И шее больно. Словом, положение далеко не из приятных.

– Вот тебе Москва! Вот тебе Москва, златоглавая Москва! – кричит Кире резко в самое лицо высокий мальчик.

– Оставь сейчас же новенького в покое! – раздается в тот же миг звонкий, сильный голос, и из-за спин товарищей выскакивает плечистый, рослый крепыш с румянцем во всю щеку и с широким, открытым лицом. – Слушай, Подгурин, если ты тронешь еще раз малыша, я тебе так залимону!

И тут краснощекий порывисто схватывает за ухо высокого мучителя Киры и, раскачивая его, приговаривает:

- А вот тебе в задаток пока. Не тронь в другой раз новичка, не тронь, не тронь!

– Отстань, мужик! – извиваясь как угорь, кричит в бешенстве Подгурин. – Помидор Иванович, отвязись!

Краснощекий смеется:

- Ага, не нравится! Будешь знать, как маленьких мучить. Вот я тебя!..

– Помидор Иванович, что ты за овцу заступаешься? Ради девчонки ка кой-то лохматой товарищей обижаешь! – раздается чей-то тоненький голос.

Одновременно с этим Кира громко вскрикнул. Кто-то больно и сильно ушибнул его за руку.

Слезы мгновенно застлали большие черные глаза Киры.

«За что? За что они мучат меня?» – вихрем пронеслось в его головке, и ему нестерпимо захотелось домой, назад, к бабушке, Ляле, няне, туда, где все так любят, нежат и ласкают его, Киру.

Краснощекий Помидор Иванович заметил слезы.

- Пожалуйста, не реви, малыш, – произнес он дружески, хлопнув по плечу Киру.

И, повернувшись с живостью к товарищам, он поднял кулак, внушительно потряс им в воздухе и крикнул:

– Кто из вас посмеет тронуть малыша, тому я такой фонарь поставлю, что на всю гимназию светло станет! И это так же верно, как то, что зовут меня Иван Курнышов!

Глава X

Прозвучал звонок к молитве.

Появился старенький, седенький, подслеповатый воспитатель, которого вся гимназия поголовно звала Дедушкой, и повел мальчиков в залу на молитву.

Курнышов очутился в зале позади Счастливчика и зашептал ему в затылок:

– Эй, ты, Лилипутик, ты не бойся наших ребят... Небось теперь не полезут!.. Кулаки у меня здоровенные, что твое железо. Заступлюсь так, что небу жарко станет. Только не плачь. Терпеть не могу ревунов и кисляев. Слыхал?

Счастливчик обернулся, взглянул на шептавшего мальчика и тут только заметил, что лицо его ему очень знакомо.

Ну да, конечно, знакомо!..

«Вспомнил! Вспомнил! – поймал себя на мысли Счастливчик. – Это тот самый мальчик, который назвал меня в день экзаменов куклой в шляпе».

И Кира внимательным взглядом оглядел своего нового друга, так неожиданно выступившего в качестве его защитника.

Светлые, ясные глаза, вздернутый нос, весь в веснушках, на голо остриженная голова, румяные, алые как мак, отдувающиеся от толщины щеки, широкие, сильные и крепкие плечи – вот что увидел Счастливчик позади себя.

Кира не знал, нужно ли ему ответить что-нибудь на вопрос мальчика или нет, но в это время раздался голос старого воспитателя:

– Тише! – и все смолкли.

Около Киры с одной стороны стоял небольшой рыженький мальчик с постоянно подмигивающими подслеповатыми глазками, усердно чистивший себе пуговицы, вместо того чтобы креститься настоящим широким крестом.

– Как тебя зовут? – услышал Счастливчик вопрос подслеповатого мальчика и не успел ответить, как тот добавил просящим шепотом: – Если у тебя есть перья, марки, пузырьки, разные старые замки, тетрадки, ты, пожалуйста, мне их давай – я собираю.

– Гарцев! Попрошайка! Он всякую дрянь, как сорока, в свое гнездо тащит! – услышал с другой стороны Кира, живо обернулся и увидел красавца мальчугана, синеглазого, темно-кудрого, с белыми, сверкающими в добродушной улыбке зубами, с розовым личиком и пленительными ямками на щеках.

– Меня зовут Ивась Янко. Будем знакомы! – произнес, протягивая Кире маленькую белую руку, красивый мальчик. – По прозвищу Хохол, потому что я родился в Ромнах, в Малороссии. Понял?

Счастливчик мотнул головой вместо ответа и хотел было заговорить с синеглазым мальчиком, но неожиданно кончилась молитва, подошел воспитатель и повел мальчиков в класс.

Глава XI

На большой черной доске в классе было написано мелом: «Первый урок – арифметика, второй – Закон Божий, третий – пение, четвертый – география, пятый – русский». А внизу детскими каракулями значилось: «Шестой – китайский язык на японском наречии, а потом... от ворот – поворот, марш по домам, приказал начальник сам».

Мальчики читали расписание уроков и, дойдя до шутки, смеялись.

– Это Янко! Непременно Янко! Он последний вышел из класса! – горячился Подгурин.

– Ну, ты, Верста, потише!.. Длинный, в потолок ушел, а такого простого правила не знаешь, чтобы не выдавать товарища, – грозно прикрикнул на него как из-под земли выросший Помидор Иванович.

– Мужик! Сапожник! У него отец сапожник! – презрительно крикнул Подгурин.

– Мой папа прежде всего честный рабочий человек, – горячо вырвалось из груди краснощекого Курнышова, – и я могу только гордиться таким отцом. А чтобы ты много не разговаривал, так вот же тебе!..

В одну минуту Подгурин очутился на полу, а на его спине восседал, как всадник на лошади, Ваня Курнышов.

– Гоп-ля! Гоп-ля! – слегка пошлепывая свою жертву, покрикивал он. – Скверный ты, братец мой, конь, никакой у тебя нет рыси.

– Пусти! Пусти! Помидор! Мужик! Сапожник! – злился и барахтался, весь красный от тщетных усилий освободиться, Подгурин.

Дверь растворилась. На пороге класса остановился маленький худой классный наставник, которого Кира уже успел узнать в первые минуты появления в гимназии.

Он прищурился на живую барахтающуюся на полу кучу и сердито, краснея, крикнул:

– Подгурин! Курнышов! Оба марш в угол! Не умеете себя вести в классе!

Оба мальчика, сконфуженные, направились к доске, где небольшого роста худенький дежурный Голубин, бледненький, тихонький, с задумчивыми глазами мальчик, сосед Киры на экзамене, усиленно стирал губкой надпись о японском наречии и китайском языке.

Новый звонок. И в класс вошел тот самый учитель арифметики, Владимир Александрович Аристов, который водил Киру экзаменоваться. Он сразу заметил хорошенькое личико Счастливчика, и белокурые локоны, и всю его изящную тоненькую фигуру, нерешительно топтавшуюся посреди класса.

– А-а! Старый знакомый! Счастливчик, здравствуй! – радушно проговорил он, ласково кивнув мальчику головой.

– Он, Владимир Александрович, не Счастливчик, а Лилипутик! – послышался задорный голос с задней скамейки.

– Просто овца – бэ-бэ-бэ! – вторил ему другой.

– Длинноволосая девчонка! – надрывался третий.

– Лохмач! Овчарка! Перепетуя Акакиевна! – забасил было Подгурин у доски и вдруг пронзительно взвизгнул на весь класс. Это Помидор Иванович изловчился и ущипнул его за руку.

Добродушное лицо Владимира Александровича приняло строгое выражение.

– Эй, вы, почтенная публика в райке, тише! – крикнул он недовольно. – Как не стыдно вам новенького обижать! И еще такого крошку! Подгурин, Курнышов, смирно стойте, раз вас поставили караулить казенное имущество, то есть доску. А чтобы не терять драгоценного времени, ты, Подгурин, бери мел и пиши задачу: «У одного крестьянина было восемь мешков муки...»

Владимир Александрович продиктовал задачу и велел ее решить Подгурин у. Последний пыхтел, кряхтел, писал и стирал написанное. Ничего не выходило.

– Не могу! – наконец, весь малиновый от напряжения, признался Подгурин.

– Не можешь? А задача-то старая. Третьего дня решали. Неужели все позабыл? – сердито ронял учитель. – Новенький, реши, – неожиданно обратился он к Кире.

Кира, которого Дедушка только что усадил подле маленького Голубина на скамейку, подошел к доске и взял мел в руки.

Задачу он понял сразу и решил быстро.

– Молодец, новенький! – произнес с одобрительной улыбкой учитель. – Пятерку получишь... А ты, Подгурин, стыдись. Второй год сидишь в классе, а толку мало.

Подгурин, насупившись, стоял у доски и смотрел на Счастливчика злым и завистливым взглядом.

– Овца противная! Лохмач! Девчонка! Ужо припомню тебе! – шептал он тихо, чуть слышно, но с таким сердитым блеском в глазах, что Счастливчик вздрогнул невольно. Он не привык, чтобы на него так смотрели.

Потом решали задачу все мальчики в классе, сидя на местах, до тех пор, пока не дрогнул звонок в коридоре и служитель не распахнул дверь класса в знак окончания урока.

В перемену, пока в классе открывали форточку и проветривали воздух, Счастливчик гулял по коридору с Янко, хорошеньким синеглазым Хохлом, и со своим новым соседом, тихоньким Голубиным.

– Завтра же ты приходи стриженный, слышишь? – наказывал Счастливчику Янко. – А то совсем тебя засмеют, сам видишь. Да и от инспектора достанется. Локоны в гимназии не полагаются.

А тихонький, как девочка, Голубчик, как называли в классе Голубина за его кроткий, безобидный нрав, добавил:

– И ты подальше держись от Подгурина и Бурьянова. Они очень дурные.

– Второгодники, задиры и подлипалы, – вставил свое слово Янко и, ударив себя по ноге, как заправский конь помчался вприпрыжку по всему коридору.

– Ты мне очень нравишься, – произнес снова тихонький Голубин, когда Хохол был далеко. – Я тоже маленький, почти такой же, как и ты. Вот бы хорошо нам подружиться и хо...

Голубин не закончил своей фразы: кто-то сильно толкнул его в бок прямо на Счастливчика. Голубин и Счастливчик стремительно полетели на пол.

– Ха-ха-ха-ха! – раздался над ними веселый злой хохот. – На другом-то месте не сумели шлепнуться, где посуше! – хохотал Подгурин, а за ним его товарищ Бурьянов, тоже оставшийся на второй год в первом классе, ширококостный, приземистый, похожий на калмыка или татарина, с насмешливым лицом и черною как смоль головою.

Счастливчик с трудом поднялся, потирая колено, которое он больно ударил о пол. В глазах Голубина стояли слезы.

– Вот они всегда так! Ах, какие злые, какие злые! – произнес он с укором.

Оба второгодника заливались громким смехом на весь коридор.

Глава XII

– Маленькому барину фриштык⁷принес! – произнес с широкой улыбкой на лице гимназический сторож Онуфрий, которого «старшие» прозвали Президентом за его внушительный вид и умное лицо.

И Президент окинул Киру ласковым взглядом, ставя на стул у дверей объемистую корзину с завтраком, привезенную из дому Счастливчиком и monsieur Диро.

После арифметики следовал урок Закона Божия, во время которого батюшка не спрашивал никого, а рассказывал то, что надлежало выучить к следующему разу.

Потом было пение. Для пения мальчиков повели в зал. Преподаватель пения, ударяя пальцем по клавишам рояля, приказывал гимназистикам тянуть голосом за каждой нотой, издаваемой инструментом. Еще пели по нотам: «До, ре, ми, фа, соль, ля, си» и обратно. Этот урок понравился Счастливчику: было весело и нетрудно тянуть голосом вместе с другими.

Теперь наступила большая перемена. Мальчики завтракали: кто – у себя на скамейке, кто – у окна. Завтраки у них были простые и несложные: у кого – булка с ветчиной, у кого – кусок колбасы, у кого – бутерброд с холодной котлетой или просто кусок вчерашнего пирога. Был и десерт: яблоки, леденцы, сухое пирожное. Некоторые ушли пить чай вниз, в раздевальную. Скромные завтраки эти приносились в уголке ранца или в кармане, тщательно завернутые в бумажку заботливыми родными, матерями, воспитательницами, прислугой. Немудрено поэтом у, что появление громадной корзины с «фриштыком» произвело суматоху среди закусывающих мальчиков. Все мгновенно позабыли о собственной еде и сгруппировались вокруг стула, на котором стояла злополучная корзина с «фриштыком».

Впереди всех очутился Подгурин.

– Братцы! Да никак здесь на всю артель прислано! – крикнул он весело и, потирая руки, схватился за бечевку у, которой была перевязана корзина. – Славное, значит, выйдет угощение!

– Не надо трогать! Это не тебе! Это новенькому принадлежит! – прозвучал довольно смело обычно тихий и кроткий, а теперь взволнованный голосок Голубина.

– Ну, ты, шиш, потише! Так залимоню, что от тебя только мокро останется! – сердито крикнул Верста, как называли в гимназии за чрезвычайно высокий рост Подгурина.

– Не суйся, Голубчик, не в свое дело! – насмешливо остановил его, поблескивая своими калмыцкими глазами, Бурьянов.

– Но нельзя же, нельзя брать чужое! – сильнее волновался Голубин.

– А тебе жаль, что ли? Да ты не бойся, малыш, мы не возьмем, мы только попробуем! – расхохотался Верста.

– Янко! Янко! Курнышов! Курнышов! – громко позвал Голубин обоих своих приятелей, самых благородных и рыцарски честных мальчиков из всего класса.

Но ни Хохла, ни Помидора Ивановича сейчас не оказалось в комнате. Вокруг корзины толпились по большей части приятели Подгурина и Бурьянова и были сами, очевидно, очень и очень не прочь узнать, что за обильный «фриштык» привез новенький из дому.

– Постой, я побегу искать Янко и Курнышова. Они заступятся, они не позволят им распорядиться чужими вещами! – горячо воскликнул маленький Голубин и, отбежав от Киры, с которым не разлучался во все перемены между уроками, бросился в коридор отыскивать обоих мальчиков.

Счастливчик остался стоять, спокойный по своему обыкновению, и невозмутимыми черными глазами следил за тем, что будет дальше с его корзиной.

⁷ Фриштык – завтрак (от нем. Frühstück).

Глава XIII

Следил, впрочем, не один Кира. Следило до десяти пар любопытных детских глазенок за тем, как под быстрыми руками исчезали веревка и бумага, обвязывающие и обматывающие огромный пакет.

Подгурин сорвал последнюю обертку.

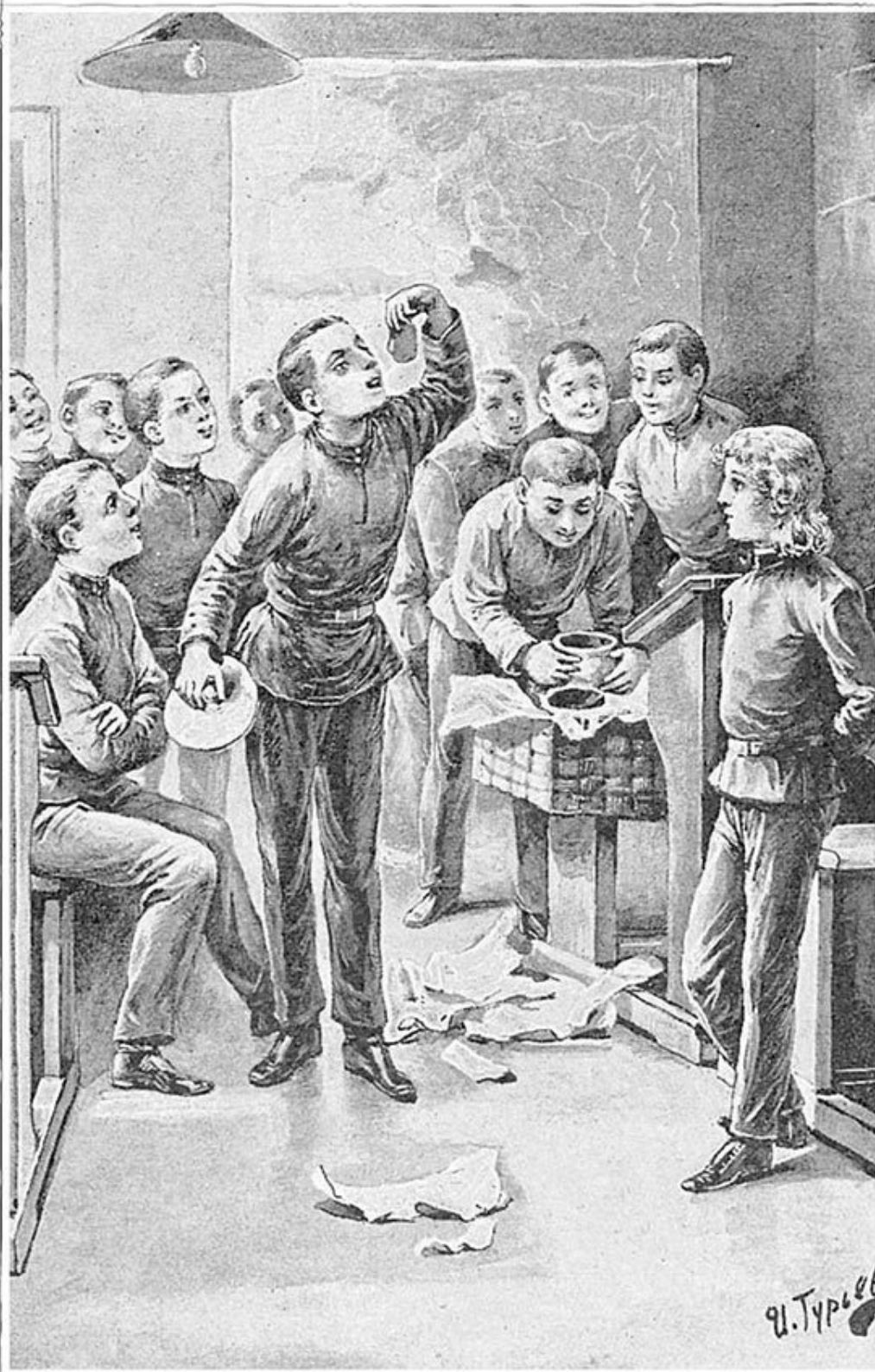
– Вот те раз! Целое царское угощение! – произнес он восторженно и живо поднял крышку судка, в котором были тщательно уложены две куриные котлетки с гарниром.

Еще минута – и грязноватая, замазанная в чернилах рука Версты потянулась к котлетам. Он вытащил их из судка, немилосердно пачкая себе в соусе руки, и отправил в рот.

– За ваше здоровье, ваше королевское величество! – комически раскланялся он перед Счастливчиком.

Начало было сделано. Вслед за одним угощением от-ведалось и другое. Теперь уже не один Подгурин хозяйничал в корзине. Бурьянов тоже запустил в нее рук у, открыл другую крышку и, вытащив порядочный кусок рыбы из второго судка, принялся уничтожать ее с завидным аппетитом.

Их примеру последовали и другие мальчики. Один схватил бутылку с какао, уложенную самым тщательнейшим образом заботливыми руками няни, точно птица в гнездышко из ваты, и, отвернув пробку, вылил все содержимое бутылки себе в рот. Другой схватил грушу из корзины, третий – плитку шоколада, четвертый – компот в стакане... И в какие-нибудь пять минут от всех съестных запасов, привезенных Счастливчиком из дому, осталась всего-навсего одна пустая корзина.

Верста вытащил котлету из судка, отправил ее в рот
и комически раскланялся перед Счастливчиком.

- У вас дома всегда так здорово едят? – осведомляется Подгурин, облизывая губы.
- Что? – недоумевая, расширяет свои и без того огромные глаза Счастливчик.

– Вкусные, говорю, блюда такие у вас всегда готовят?

– Всегда!

– Ах ты, хвастунишка! Дай ему щелчок по носу, кто стоит поближе! – хохочет Бурьянов.

– Нет-нет, подожди, Бурьяша, – смеется Подгурин, – мы его поисповедуем раньше. Пускай поверт.

И он делает такую лукаво-смешную физиономию, что все окружающие десять-двенадцать мальчиков фыркают со смеха.

– Я никогда не лгу, – серьезно говорит Счастливчик. – Уж будто? – щурится Бурьянов. – Ей-богу, не врешь? А ну-ка, побожись, Лилипут-девчонка! Побожись, что не врешь!

– Божиться грешно, – спокойно возражает Кира, – очень дурно божиться, особенно по пустякам.

– Ах ты, святоша! Божиться грешно, видите ли, а хвастаться не грешно, скажешь? – не унимается Подгурин.

– Я не хвастаюсь!

– Врешь! А ну-ка повтори, что у вас каждый день едят за завтраком такую рыбу, компот, котлеты.

– Да, у нас всегда такие завтраки! – спокойным тоном отвечает Кира, нимало не понимающий, почему к нему так пристает этот долговязый мальчик.

– И одет ты всегда так хорошо тоже?

– Как хорошо? – изумился Счастливчик.

– Ну, вот как на экзамене одет был: в бархате и кружевах, точно его величество принц китайский! – со смехом бросает Подгурин.

– Я не видел, как одевается принц китайский, – тем же спокойным тоном говорит Счастливчик, – но бабушка любит, когда на мне бархатный костюмчик с кружевным воротником. Теперь я гимназист и носить его не буду больше. У меня форма, – заключает он не без доли самодовольства.

– Не форсись гимназистом! Не гимназист ты, а девчонка, или просто лохматая собачонка, или овца! – сердито крикнул Бурьянов и неожиданно дернул Счастливчика за его белокурые волосы.

– Ай! – вскрикнул Счастливчик. – Мне больно!

– Коли больно, не держи себя вольно, – захохотал Бурьянов.

Другие мальчики вторили Калмык у, как они уже успели прозвать этого мальчика за его маленькие глаза и монгольские скулы.

– Эка неженка! Крикун! Волосок тронуть нельзя!

Подумаешь тоже!

– Оставьте его, братцы! Я его живо от хвастовства отучу, – повысил голос Подгурин. – Эй ты, левретка, овца, кукла нечесаная, – резко обратился он к Кире, – небось тебе бабушка на заказ костюм шила?

– Да, на заказ, – отвечал изумленный таким неожиданным вопросом Счастливчик.

– Ишь ты как! Фу-ты ну-ты, ножки гнуты. А сапоги, поди, из кожи шевро⁸?

– Право, не знаю.

– А белье? Тонкое, поди, дорогое, батистовое?

– Да, тонкое, – спокойно отвечал Счастливчик, – а что?

Он поднял свои большие серьезные глаза на Версту с молчаливым вопросом. «Что, мол, тебе за дело до моего белья и платья?» – казалось, спрашивали его глаза.

⁸ Шевро – мягкая кожа, выделанная из козых шкур.

– Ага! Ты так-то! Хвастаться вздумал! Пыль нам пускать в нос с первого же дня своим богатством! Так постой же ты у нас! Мы тебя проучим! – неожиданно громким голосом закричал Подгурин и, нагнувшись к уху Бурьянова, шепнул ему что-то.

– Ха-ха-ха-ха! – так и покатылся со смеху Калмык. – Здорово придумал! Ай да Подгурчик! Молодец!

– Эй ты, Лилипут, снимай, брат, твою амуницию! – решительно проговорил Верста и крепко схватил одной рукой Счастливчика за плечи, а другой изо всей силы рванул его за борт куртки. Две пуговицы на вороте отскочили от этого грубого движения. Тонкое сукно затрещало по швам.

Мальчики захохотали, Подгурин и Калмык громче всех.

– Что вы хотите делать со мною? – потеряв обычное свое спокойствие, испуганно вскричал Счастливчик, всеми силами стараясь за пахнуть расстегнутую курточку на груди.

– Ничего особенного, миленький, – паясничая и корча обезьянью гримасу, пищал умышленно тоненьким голоском длинный Подгурин. – Раздеть тебя хотим. Ничего особенного, прелесть моя! Только костюмчик твой снимем, чтобы ты не больно-то форсился своим платьем. Эй, Калмычок, помоги мне справиться с этим франтом! – не переставая смеяться, поманил Подгурин приятеля.

– Ха-ха-ха! – смеялись и прыгали вокруг них мальчики. – Раздеть, раздеть, конечно! Ха-ха-ха-ха! Что, в самом деле, за хвостун выискался! Франт пике, нос в табаке! Форсило!

Счастливчик испуганным взглядом затравленного зверька окинул толпившихся мальчиков. Неужели это они, те самые, что только что угостились из его корзины? И ни одного ласкового, расположенного к нему не найдется между ними!.. Все очень весело и охотно принимают глупую, злую шутку этих двух гадких, злых второгодников.

«О, если бы можно было уйти домой! Сейчас домой!» – мучительно сжима лось сердце мальчика, но желанию Счастливчика не суждено было осуществиться. Домой он ни в каком случае так рано попасть не мог.

Между тем несколько пар рук протянулось к нему, и Подгурин крикнул тоном, не допускающим возражений:

– Эй, Малинин, иди на стражу караулить дверь!

И черненький, как мушка, Малинин, мальчик лет одиннадцати, стремглав помчался к двери класса, выходящей в коридор.

Счастливчика окружили плотнее, схватили за руки, прижали к стене. Чьи-то проворные пальцы стали стаскивать с него куртку, пояс, сапоги, штанишки...

Через какие-нибудь пять минут у доски вместо маленького гимназистика в куртке стоял беленький, в одном нижнем белье, дрожащий, как лист, от холода и волнения худенький кудрявый мальчик.

– Ну вот, теперь ты и повар! Не хочешь ли сготовить нам обед? – хохотал Подгурин, дергая Счастливчика за волосы, за рубашку, за пуговицы нижнего белья.

– Нет-нет, он не повар, а сенатор! Только сенатор без мундира! Честь имею приветствовать вас, ваше превосходительство! – вторил товарищу Калмык, становясь во фронт перед раздетым Счастливчиком и взяв руку под козырек.

– Ха-ха-ха-ха! Вот умора! Совсем-совсем ошипанная левретка! Стриженная овца! Бе-бе-бе-бе! – неистовствовали остальные гимназисты.

Счастливчик стоял у стены, дрожа всем телом. Личико его было бледно. Губы дрожа ли. Глаза были полны слез.

«Бабушка! Бабушка! Зачем ты меня отдала сюда на такую обиду, на такую муку!» – томился бедный мальчик.

Вдруг Подгурин наклонился, схватил с пола валявшееся в куче платье Счастливчика и, вскочив на парту, взмахнул рукою с костюмом и ловко забросил его на лампу, висевшую под потолком.

– Господа, кто желает купить с аукциона эти вещи? Дешево продам! – вскричал Калмык и волчком закружился на одном месте.

В ту же минуту дверь класса широко распахнулась, и карауливший ее Малинин как бомба вылетел на середину комнаты.

Вслед за Малининым в класс влетели Янко, Голубин и Курнышов.

Краснощекий Помидор Иванович на минуту остановился у порога, быстрым взглядом окинул класс и, казалось, в один миг понял все происшедшее.

– Ага! Вы все-таки обижаете Лилипутика! – крикнул он во все горло. – Постойте же, мы вас с Янко угостим по-свойски. Только держись!

И, засучив рукава своей курточки, он стремительно накинулся на Подгурина.

Синеглазый Ивась Янко, в свою очередь, в два прыжка очутился на спине Калмыка, и... пошла потасовка!..

Аля Голубин, бледный, взволнованный, с горящими глазами, растолкал мальчиков, пробрался к Счастливчику и, обхватив за плечи последнего, отчаянно волнуясь и жестикулируя, кричал своим тоненьким детским голосом:

– О, как не стыдно вам! Как не стыдно! Что он вам сделал?! Бессовестные вы все! Это нечестно, гадко, подло, нехорошо!..

Но мальчики сами и без худенького Голубина отлично знали, что во всем происшедшем действительно не много было хорошего.

Смущенные, отхлынули они от новенького и его друга.

А посреди класса уже кипела форменная драка. Янко, Курнышов, Верста и Калмык катались по полу в одной сплошной, отчаянно барахтавшейся и запыленной куче...

Глава XIV

– Директор идет!..

– Ну-у?

– Как Бог свят, директор!..

– Директор! Что делать? Что делать?

На лицах мальчиков отразился ужас.

Только четверым драчунам сейчас нет до директора никакого дела: они продолжают кататься по пол у, награждая друг друга пинками и тумаками.

Тогда Малинин, красный как вареный рак, бросается к Помидору Ивановичу и кричит в самое ухо что есть мочи, громко, как на пожаре:

– Директор идет! Понимаешь – директор идет.

– Что? Где? Какой директор? Почему? Каким образом? – ничего не понимая, тяжело дыша и сопя носом, с вытаращенными глазами, недоумевает Помидор Иванович.

Но ему некогда пояснять.

Десятки рук подхватывают его, ставят на ноги, потом приводят в стоячее положение тем же способом Янко, Калмыка, Подгурина.

Голубин в это время хватается за руку Счастливчика и кричит:

– Спрячься! Спрячься! Под скамейку спрячься! Не то всему классу попадет!

И сам мчится стрелою к своему месту.

В классе минутная возня... Топот ног... шелест... возгласы испуга...

Директор идет – это ведь не шутка! Директор идет, а у них раздетый мальчик в классе! Что делать? Что делать? Счастливчик, взволнованный, трепещущий, измученный от всего пережитого, медленно выходит из угла и направляется к своему месту.

– Скорее! Скорее! – кричат ему мальчики с первых скамеек.

– Скорее же двигайся, Лилипутик! – звонко выкрикивает Янко и для чего-то протягивает руки вперед.

Но уже поздно...

На пороге класса стоит директор – высокий, полный, красивый господин с баками вроде котлеток по обеим сторонам симпатичного лица.

На лице директора выражение не то недоумения, не то испуга.

– Это еще что за явление? – говорит директор и протягивает вперед указательный палец.

Перед ним, спиной к нему, шагает маленькая белая фигурка в одном нижнем белье и в носках, с длинными густыми локонами, падающими на плечи, как у библейского Самсона.

На вопрос директора фигурка останавливается, оборачивается и, увидя вошедшее новое лицо, почтительно кланяется, шаркнув полуобутой ножкой по всем правилам искусства.

Глаза директора раскрываются еще шире.

– Это еще что такое? – суровым, строгим голосом спрашивает он.

Подоспевший воспитатель, Дедушка, бочком протискивается к Счастливчику и шепчет над его головою очень тревожно:

– Где же твое платье, Раев?

Счастливчик хочет поднять руку и показать, где его платье, хочет ответить, что его платье мирно покачивается на лампе под потолком, но в это время, весь красный, пробирается между партами Янко и, незаметно очутившись около Голубина, рядом с первой скамейкой, шепчет усиленно Счастливчику:

– Только не выдавай!.. Только не выдавай!.. Они все дрянные, гадкие, но ты их все-таки не выдавай!.. У нас выдавать не полагается... У нас правило товарищества... Пожалуйста, не выдавай!

Счастливчик молчит. Его губы сжаты. Глаза полны слез.

– Да что с тобой, голубчик? – тревожно спрашивает его старый воспитатель. – Отвечай же господину директору, отчего ты раздет.

Голос Дедушки похож на голос monsieur Диро, и весь он смахивает немножко на Ами: такой же седенький, старый. И потом, он первый приласкал Счастливчика в этих нехороших, так неласково встретивших его стенах, назвал приветливо «голубчиком», тревожится насчет его, сочувствует ему...

Напряженные нервы Киры, перенесшего столько волнений сразу, не выдерживают и точно рвутся. Слезы мгновенно брызгают фонтаном из глаз. Он стремительно прижимает голову к синему сюртуку воспитателя и рыдает горько, неудержимо.

Нечасто можно видеть в классе плачущего гимназиста в нижнем белье, похожего на поваренка. Это явление весьма необычайное. Притом мальчик плачет так искренне, так исступленно и так дрожит всем своим маленьким телом, что тревога невольно наполняет сердце директора, и он говорит, приближаясь к Кире:

– Ну-ну, успокойся, мальчик! Да расскажи, в чем дело.

Но так как вместо рассказа рвутся одни только рыдания и всхлипывания из детской груди, директор уже ровно ничего не понимает.

– Да объясните же мне наконец, что случилось?! – уже явно сердитым голосом обращается он к классу.

Но мальчики стоят как истуканы каждый у своей парты и молчат.

Тогда отделяется Янко от первой скамейки. Его синие глаза заметно искрятся. Рожица у Иваса сейчас самая плутовская, но на губах пугливая улыбка, а брови хмурятся, стараясь придать очень серьезное выражение лицу.

Он оборачивается назад, окидывает одним взглядом класс и останавливает глаза на заметно испуганных и бледных лицах Подгурина и Бурьянова. На этих лицах так и написано без слов: «Не выдай нас, Янко! Пощади! Не выдай!» Но Янко и без этого отлично помнит, что выдавать товарищей – мерзость. Помнит и то, что директор, Григорий Исаевич Мартьянов, любит его, Янко, и очень хорошо относится к нему. Авось поверит его словам и не рассердится сегодня ни на кого.

И синеглазый Ивась нервно обдергивает курточку, хмурит брови и говорит, обращаясь к директору, почтительно, но смело:

– Мы, Григорий Исаевич, в перемену бежали завтракать из коридора в класс. И новенький с нами был вместе. Вдруг новенький поскользнулся, упал и прямо на доску боком угодил. Стал плакать и стонать: «Бок больно! Бок больно!» Стал просить нас: «Посмотрите, нет ли раны на боку?» Ну, мы и хотели посмотреть. Сняли куртку и все прочее. А вы и изволили войти как раз в эту минуту.

Янко говорит явную неправду, и директор отлично понимает это. Но Григорий Исаевич Мартьянов – в сущности, очень добрый человек и не любит за ребяческие шалости наказывать гимназистов. Одна ко он все-таки очень недоволен беспорядком в классе и строгим голосом обращается к ученикам:

– Чтобы этого не было в другой раз!.. Слышите! Если кто стукнется, заболит, нечего самим мудрить! На до сказать господину воспитателю, и вас отведут к доктору в приемный покой... А ты не плачь и одевайся! Да в другой раз не будь таким дурачком, не позволяй так глупо с собой распоряжаться, – полушутливо обратился к Счастливчику директор.

И он повернулся уже к двери, чтобы уйти, как неожиданно увидел покачивающийся на лампе злополучный костюм гимназиста. Доброе лицо его приняло вмиг строгое, недовольное выражение.

– Кто это осмелился сделать? – гневными нотками прозвучал на весь класс громкий голос. – Это еще что за шалость? Кто посмел из вас забросить на лампу костюм?

Мальчики молчали. Испуганные лица со страхом впивались теперь в директора. Счастливчик, переставший плакать, тоже смотрел на него.

– Ну-с, я жду! – еще строже произнес на весь класс Григорий Исаевич.

Опять молчание. Только детские лица вытягиваются длиннее.

– Кто же виноват? Отвечайте сейчас! Чьих это рук дело? – сердится директор.

Легкий шепот проносится по классу:

– Мы все закинули!.. Мы все виноваты, Григорий Исаевич! – слышатся покорные и робкие голоса.

– Как – все? Что за чушь! Не может быть, чтобы весь класс! – окончательно выходит из себя директор.

– Все! – тихим звуком проносится по комнате, как шелест ветерка.

– Все виноваты, до единого? – снова, волнуясь, спрашивает Григорий Исаевич.

– Все виноваты, все! – получается дружный ответ.

Директор подходит к Счастливчику, кладет ему руку на плечо.

– Ну, а ты что скажешь, новенький? Кто сделал это? – и он поднял кверху палец, указывая на злополучный, тихо покачивающийся на лампе костюм.

Счастливчик поднимает голову, окидывает глазами класс. Вон прямо на него обращены испуганные, взволнованные, побелевшие от страха лица тех двух больших злых мальчиков, которые так гадко поступили с ним сегодня. Что, если назвать их директору?.. Их строго накажут, и больше никогда-никогда никто не посмеет обидеть Счастливчика.

Мысли в белокурой головке реют быстро и гневно, немилостивые, жестокие мысли, а сердечко, доброе сердечко Счастливчика выстукивает совсем другое. «Ну, пожалуешься ты на них, ну, накажут их строго, – выстукивает сердечко, – и что же? Легче от этого будет, что ли? Сестра Ляля постоянно говорит: „Надо прощать врагов, надо отпускать обиды, тогда только и будет хорошая, светлая, радостная жизнь на земле“».

И при этой мысли теплая волна заливает маленькую душ у. Хочется простить и Верст у, и Калмыка, всем сердцем простить, искренно, горячо, пылко.

Директор внимательно смотрит на милое, заалевшее лицо Счастливчика.

– Ну, что же? Кто закинул твой костюм? – спрашивает директор. – Дождусь я ответа? – спрашивает он строг о.

Кира делает над собой невероятное усилие. Он не привык ко лжи. Он не умеет лгать, Счастливчик. Но сейчас, когда требуется спасти товарищей, приходится поневоле сказать неправду, ложь...

Черные глаза опускаются, губки раскрылись. Из-под нависших кудрей выглядывает малиновое от смущения лицо.

– Все... – с усилием говорит Счастливчик. – Все закинули, весь класс...

И помолчав немного, неожиданно прибавляет, к полному изумлению присутствующих:

– И я тоже!.. И я закидывал тоже на лампу мой костюм...

Это вышло так неожиданно, что директор, воспитатель, а за ними и весь класс ошеломлены. Они смотрят на Счастливчика изумленными, недоумевающими глазами.

Потом директор еще раз вскидывает на Счастливчика внимательный, зоркий взгляд. Неопределенная улыбка скользит по его губам.

Должно быть, директору и жаль мальчика за то, что он сказал неправду, и отчасти он доволен новеньким, который не хочет отплачивать злом за зло. А что новенькому причинили зло – в этом директор теперь уже не сомневался. Недаром же так горько плакал новенький и у него был такой измученный, испуганный и грустно-растерянный вид.

Директора точно что подтолкнуло к Кире. Он взял его за руку, притянул к себе, откинул ему кудри со лба.

– Вот это надо убрать завтра же! – произнес он, указывая на его волосы. – И помни, что в гимназии нельзя быть такой росмахой и позволять с собой делать, что только вздумается другим. А вы все, в наказание за шалость, останетесь на час после уроков сегодня в гимназии.

И, сказав это, директор, делая строгое лицо, вышел из класса.

Лицо было строгое, но на губах его играла та же чуть заметная добрая улыбка.

Глава XV

- Ай да овечка!
- Ай да девчонка!
- Молодец, овечка!
- Молодец, девчонка!
- Ура, Лилипутик!
- Не Лилипутик, а герой!
- Молодчинище, герой! Постоять сумел горой!
- Не выдал товарищей!

Все эти крики, сыпавшиеся со всех сторон, едва не оглушили Киру.

Мальчики теперь гурьбой толпились вокруг него, воспользовавшись минутой, когда директор вышел из класса в сопровождении Дедушки, которого он позвал за собой.

Кто-то полез на стол, потянулся к лампе и, стащив с нее костюм Счастливчика, подал его Кире.

Опять проворные руки стали суетливо хлопотать вокруг мальчика, быстро одевая его.

Помидор Иванович, Янко, Гарцев, Голубин, черненький, как цыганенок, Калинин – все наперерыв старались услужить ему.

– Если еще кто-нибудь когда-нибудь осмелится проделать с ним что-либо такое, я так отпотчую, что... – с пылающими щеками кричал неистово Ваня Курнышов.

Ваня не кончил. Кто-то отстранил его от Счастливчика, встал на его место и ударил легонько Киру по плечу.

Счастливчик поднял глаза. Перед ним стоял Подгурин. За ним Калмык, красный как морковь, со смущенно бегающими маленькими глазками.

– Ты уж того... брат... прости, Лилипутик... – ронял смущенно Подгурин, – мы, брат, не знали, что ты такой рубаха-парень и герой.

– Лихой, брат, товарищ! – вторил ему и Калмык, просовывая под чьим-то плечом свою скуластую физиономию.

– Ты, брат, не взыщи, – ронял снова долговязый Подгурин, – прости... Неладно у нас это вышло и с завтраком, и с костюмом. Или вот что: дай мне хорошего тумака, а я ни-ни... сдачи... Вот и будем квиты.

– И мне тоже! И мне тоже! – обрадовался Бурьянов.

Но Счастливчик никак не решался исполнить эту оригинальную просьбу.

Между тем десятки рук успели одеть его, привести в порядок.

– Ну вот, – как ни в чем не бывало радовались мальчики. – Ну вот! Ну вот! Теперь хоть не только директор входи, а и сам министр. Милости просим! Всё в исправности!

– Братцы! Я предлагаю качать Раева за его товарищеский поступок! – звонко воскликнул Помидор Иванович и, прежде нежели Счастливчик успел опомниться, подхватил его на руки.

Десятка четыре рук, маленьких и средних, чистых и грязных, щедро отмеченных чернильными пятнами, потянулись к Счастливчику у. Его осторожно подбрасывали и раскачивали в воздухе и припевали со смехом и визгом:

– Слава Лилипутику, слава! Слава кудрявому, слава! Счастливчик, смеющийся, повеселевший, с растрепанными локонами и пылающим лицом, принимал все эти знаки восторга.

Вернувшись с monsieur Диро домой, Счастливчик не желал волновать бабушку и Лялю и, рассказывая о первом проведенном в гимназии дне, умолчал об истории с костюмом и завтраком.

Одному только Мик-Мик у, пришедшему к нему вечером репетировать уроки, поведал он все до капельки. Мик-Мик внимательно слушал своего маленького ученика и заставлял

его повторять по несколько раз, что сказал директор, как отвечал ему Счастливчик, как его «чествовали» всем классом.

Счастливчик не скрыл ничего от Мик-Мика. Мик-Мик не выдаст, Мик-Мик не пойдет, испуганный, к бабушке, не за хочет вступаться за него, Счастливчика, или жаловаться на негодных мальчуганов, как это, наверное, сделал бы monsieur Диро. Мик-Мик непременно желает видеть в Счастливчике маленького мужчину и всячески поддерживает это сознание и в самом Кире. Вот почему так любит Счастливчик своего молодого учителя, так искренен и откровенен он с ним.

Счастливчик не успел опомниться, как его подхватили на руки, стали подбрасывать и раскачивать в воздухе со смехом и визгом.

В этот вечер, уставший от массы разнородных впечатлений, перенесенных за день, Кира уснул скоро, но тревожно. И снились ему веселые, шумные мальчики, длинный Верста, тихий

Голубин, веселый, смеющийся Янко и милый, смелый и умный Помидор Иванович с его открытым, честным краснощеким лицом...

Глава XVI

Зима... Снег падает большими хлопьями... Точно большие белые птицы летают по воздуху и, бессильно распластав крылья, шлепаются на землю...

Разгуляй запряжен в санки и мчится как бешеный по мягкой, рыхлой санной дороге. Счастливчик едет в гимназию. На нем теплое, на беличьем меху, форменное пальто с огромным барашковым воротником. Воротник поднят, фуражка с выстеганным ватю дном нахлобучена на самые брови. Сверх фуражки и поднятого воротника еще башлык⁹. Из-под них выглядывает, как гном из пещеры, крошечный, покрасневший на морозе носик. Так укутала Счастливчика няня по приказанию бабушки.

Monsieur Диро тоже в теплой шубе. Но ему все-таки холодно. Он не привык к морозам. В Париже нет таких крепких, трескучих морозов. И monsieur Диро зябко кутается в шубу, прячет свой длинный тонкий нос в ее воротник и то и дело ворчит недовольно, почему-то по-русски:

– Ой, этиць руской холодник!.. Совсем зашпиловал мой носик!

Счастливчику делается ужасно смешно от этого замечания. Андрон же фыркает у себя на козлах. Разгуляй думает, что это относится непосредственно к нему, машет хвостом и прибавляет ходу.

– Тпру! Чего ты! Блинов объелся, что ли! – кричит Андрон на Разгуляя.

Счастливчик хохочет неистово. Как тут не смеяться, посудите – видали ли вы лошадь, которая ест блины?

Вот и гимназия.

– Тпру-у-у! – особенно лихо осаживает Разгуляя Андрон.

Потом перевешивается с козел и откидывает полость¹⁰.

– Счастливо, барин! С Богом! – говорит Андрон.

– До свидания, мой мальшк! – бросает ласково monsieur Диро.

Счастливчик ловко выскакивает из саней, кивает головою и исчезает в подъезде.

Швейцар улыбается, встречая мальчика, и торопливо помогает ему раздеться.

Ранец отстегнут, пальто сброшено, башлык и фуражка тоже.

Но что это сделали со Счастливчиком? Где его густые длинные волосы?

Локонов нет. Волосы выстрижены под гребенку, вследствие чего голова получилась кругла я, смешна я, как у галчонка, личико малюсенькое, а глаза огромные-преогромные, как две черные вишни.

Теперь Счастливчик не похож ни на овцу, ни на девочку, ни на болонку. Он настоящий маленький мужчина.

– Раев, здравствуй! Здорово, Лилипутик!

Это кричит во все горло Ваня Курнышов, пулей влетевший в швейцарскую. Он в осеннем стареньком пальто, без башлыка и в плохенькой, помятой фуражке. Счастливчик знает, что Ваня очень бедный и что пальто и все то, что на нем надето, – все приобретено по дешевой цене на рынке у старьевщика. Но Ване не холодно, несмотря на трескучий мороз. Его щеки точно два цветка мака. И запыхался он от быстрого бега. Пыхтит как паровоз. Еще бы не разогреться! Ванин отец живет на конце города, и оттуда Ваня ежедневно совершает свою прогулку в гимназию, по его же словам, «на собственных рысках», то есть попросту пешком.

– Все уроки выучил? – осведомляется у Счастливчика Ваня. – Небось, с репетитором? – помолчав секунду, прибавляет он лукаво.

⁹ Башлык – остроконечный капюшон с длинными завязывающимися концами.

¹⁰ Пблость – здесь: покрывало для ног седока в экипаже.

Счастливчик кивает и краснеет. Если бы не Мик-Мик, разумеется, он не знал бы ни одного урока.

Мальчики вбегают на лестниц у, прыгая через две ступеньки.

– Здорово, братцы! – слышится за ними.

Это Янко. Веселый, радостный, как всегда, он весь так и сияет улыбкой.

– Арифметику не кончил. Задачи не понимаю. Дай списать, Помидорушка, у тебя, – просит он умильно Ваню.

Помидор Иванович упрямо крутит головою:

– Списать – ни-ни... Это обман. А вот объясню тебе с удовольствием.

Три мальчика входят в класс. Еще рано. До молитвы остается еще целых четверть часа. Но в классе, против обыкновения, уже набралось много народа.

В углу класса за доской движутся чьи-то ноги. На доске написано крупными буквами:

«Фокусник и чревовещатель.

Прием от 8 1/2 до 8 3/4 утра».

Весь класс собрался у доски. Хохот, возня, возгласы удивления.

– Это еще что за выдумки?

Из-за доски вылезает Бурьянов. Лицо торжественное, как перед учителем во время ответа. Над губою наведены углем усы, на щеках намазаны баки. Глаза выпучены, точно у рака. На голове колпак с кисточкой из бумаги. На колпаке с неподражаемым мастерством нарисованы чертики. Калмык мотает головой так, что кисточка трясется и танцует. Он отдувает выпачканные щеки, еще сильнее таращит глаза и выкрикивает густым басом:

– Честь имею представиться: фокусник и чревовещатель. Кто хочет видеть, как из одного перышка можно сделать двадцать?

Мальчики хохочут, сдвигаются в кучку, окружают Бурьянова. Всем хочется видеть, как из одного пера выходит двадцать.

– Покажи! Покажи! – пристают они к Калмыку.

У Калмыка на ладони лежит стальное перо. Все смотрят на него с заметным любопытством.

– Давай другое, братцы, это не годится! – командует Бурьянов и протягивает руку вперед.

И вмиг в его руке очутилось другое перышко. Кто-то кладет третье, четвертое. Бурьянов сосредоточенно смотрит, считает и мотает головою:

– Не то, не то... Надо острее... Еще острее... Чутьочку только, – мычит он своим деланным басом.

Мальчики разгораются любопытством. Действительно, презабавная штука – из одного пера можно сделать двадцать!

Когда маленький Голубин кладет на ладонь Калмыка свое самое хорошенькое, желтое, точно золотое, перышко, по счету двадцатое, Бурьянов неожиданно срывает с головы свой бумажный колпак, насмешливо раскланивается перед огорошенными зрителями и писклявым голосом визжит:

– Вот каким образом из одного пера можно сделать двадцать! Вот каким образом один умный человек может провести тридцать наивных!.. А теперь честь имею кланяться, господа! До приятного свидания!

И зажав в ладонь полученные двадцать перьев, Бурьянов скрывается за доской.

Мальчики хохочут.

– Ай да Калмык!

Действительно, Калмык сумел провести их всех – и презанятно. В другой раз они не будут простофилями и не дадут себя дурачить таким образом, а пока...

Звонок к молитве... На пороге класса стоит Дедушка, вернее Корнил Демьянович Вершиков, воспитатель.

– На молитву, дети, на молитву! – кричит он, хлопая в ладоши, и вдруг, заметив необычайное оживление у доски, проходит туда.

Как ни близорук и ни подслеповат Корнил Демьянович, однако он замечает все, что ему надо.

– Чьи это ноги? – строго обращается он к гимназистам.

Подавляя смех, Подгурин отвечает беспечным тоном:

– Это не ноги, а сапоги.

– Сапоги без ног, – вдохновенно прибавляет Янко.

– Сейчас подать мне эти сапоги! – сердится воспитатель. – Я знаю, кто там спрятан!

– Там фокусник, – снова отзывается длинный Верста замогильным басом.

– И чревоушатель, – подпискивает голос сзади.

– А вот посмотрим.

Дедушка не без труда пролезает за доску и вытаскивает оттуда смущенного и красного как кумач Калмыка. Колпак он успел сбросить в угол, щеки вытереть носовым платком, но усы остались, придавая ему уморительный и глупый до чрезвычайности вид.

– Ха-ха-ха-ха! – не могут удержаться от смеха мальчики при взгляде на эти усы и этот глупый вид.

– Очень хорош! Безобразник этакий! – сердится Дедушка. – На час в гимназии останешься после уроков, а теперь ступай впереди класса на молитву с этим самым украшением на лице.

Калмык испуган. На молитве его увидит вся гимназия, инспектор, может быть, директор... Ужас! Ужас!..

Мальчики тоже не смеются, притихли...

Быть грозе!

Молча становятся в пары. Идут тихо в зал. Калмык впереди, красный, смущенный, с потупленными глазами, с черными огромными усами, нарисованными над верхней губой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.